D-r Afmeras

www.rusbibliophile.ru

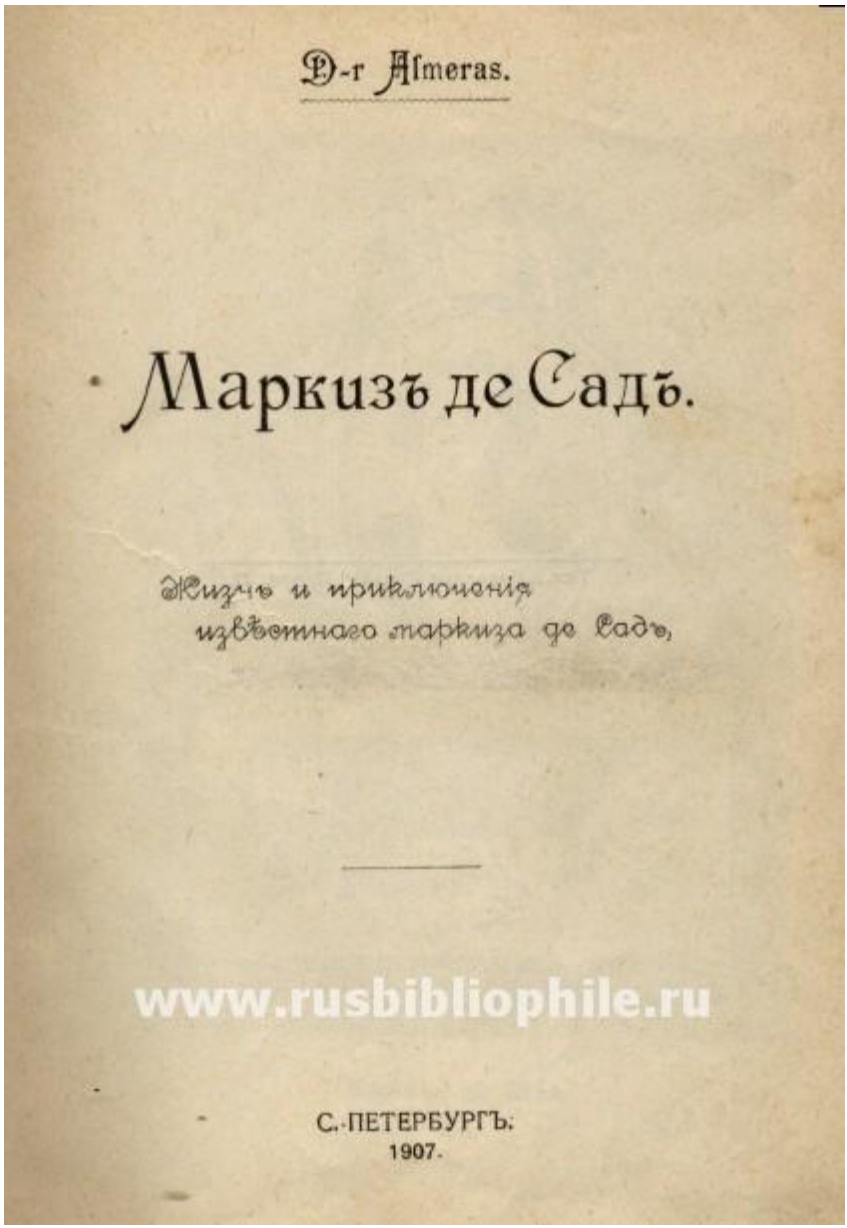
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Слово «садизм» известно всем. Произошло оно от имени французского писателя, философа и политического деятеля маркиза де Сада (1740–1814). Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад, автор скандально известных эротических романов, узник, более четверти века проведший в тюрьмах всех сменившихся на его веку режимах, председатель революционного трибунала, не подписавший ни одного смертного приговора, блистательный аристократ и нищий, едва не умерший в больнице для бедных — все это разные ипостаси этого человека, чья биография и представлена в настоящем издании.

- Доктор Альмера
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
    - ■
  - Королевский офицер
  - Женитьба маркиза де Сада
  - «Маленький домик» в Аркюэле
  - В публичном доме Марселя
  - В Миоланском замке
  - «Пансионеры» г. де Ружемона
  - Платонический роман
  - Маркиз де Сад в Бастилии
  - Гражданин Сад
  - Политический деятель
  - Подпольный роман «Золоэ и ее два спутника»
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Доктор Альмера
Маркиз де Сад



Д-г Almeras.

Маркизъ де Садъ.

Жизнь и приключенія
извѣстнаго маркиза де Садъ.

www.rusbibliophile.ru

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

www.rusbibliophile.ru

Маркизъ де Садъ.

www.rusbibliophile.ru

Маркиза де Садъ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Маркиз де Сад, который является, по мнению многих писателей, родоначальником половой психопатии, известной под названием «садизм», наряду со свойственными ему нравственными дефектами представляет собой из ряда вон выходящий тип феодалиста, литератора и политического агитатора эпохи французской революции.

Профессор П. И. Ковалевский в своей книге, посвященной вопросу полового бессилия, приводит целый ряд весьма интересных примеров, когда лица, в общем истощенные, черпали новые силы в страданиях предмета желаний.

Ломброзо утверждал, что в каждом мужчине имеется доля садизма, конечно, в большей или меньшей степени. Эта степень зависит, по мнению итальянского психиатра, от массы частных условий жизни самого субъекта.

«Чем же иначе объяснить, — восклицал он, — практикующуюся в Париже торговлю девственницами! Чему приписать те громадные суммы, которые пресыщенными сластолюбцами уплачиваются в подобных случаях! Не представляют ли подобные явления одну из разновидностей садизма?»

Существуют случаи, говорит профессор П. И. Ковалевский, что половое сладострастное ощущение возникает тогда, когда с половым актом совершается жестокость, истязание, кровопролитие. Самое высшее наслаждение будет в боли, и боль явится тем кульминационным пунктом, к которому стремятся в половом акте такие люди. Этих людей с полным правом можно назвать альгистами — ищущими боли для наслаждения. Альгистов, однако, должно разделить на две категории. Одни в половом акте истязают, кусают, колют и мучают других, а другие отдают на мучения себя. Люди первой категории называются садистами, или тиранистами, а второй — мазохистами, или пассивистами. В основе этого влечения, вероятно, лежит проявляющаяся у некоторых лиц особенная потребность боли, ободряющая и возбуждающая организм (альгизм), или же особенная любовь болевых ощущений (алгофелия).

Под именем садизма разумеется получение чувства полового сладострастия при совершении жестокостей над лицом, которое служит объектом удовлетворения. Живыми образцами такой жестокости были мать Цезаря, маршал Жиль де Ре, маркиз де Сад, царица грузинская Тамара, Елизавета Баторий и др. Наш соотечественник Д. Н. Стефановский, по-моему, более удачно

называет это состояние эротическим тиранизмом. Что сладострастие и жестокость находятся в близком родстве, это давно известно натуралистам. Известно, что некоторые жеребцы и кобылицы так разъяряются в момент полового сближения, что загрызают друг друга. То же наблюдается и у других видов животного царства — так же бывает и в человеческом роде. Известно, что некоторые женщины во время акта приходят в такую страстность, что кусают и грызут имеющего с ней половое общение мужчину. Kiernan приравнивает чувство полового инстинкта к чувству голода. Он вместе с Glevenger'om это доказывает тем, что амебы и некоторые другие низшие организмы при акте совокупления поедают друг друга, например, крабы во время полового акта выкусывают клочки тела друг у друга. Прообраз этого состояния у людей Kiernan усматривает в поцелуе (!). Таким образом, в одних случаях сладострастное чувство в половом акте возникает только тогда, когда к нему присоединяется тиранизм; в других случаях, что и составляет сущность садизма, жестокость является не последствием полового возбуждения, а целью его — она является как бы заменой или моментом, когда сладострастие достигает наибольшей степени напряженности. Садизм может проявляться в преступной жестокости над женщиной, женщины над мужчиной, мужчины над мужчиной и женщины над женщиной. В некоторых случаях сладострастное наслаждение испытывается при совершении преступной жестокости не самими заинтересованными лицами, а другим лицом, причем садист стоит в стороне в качестве свидетеля и испытывает наслаждение. Такое сладострастное ощущение в некоторых случаях получается даже при виде страдания и мучения животных. Обычно эти лица являются частично помешанными и во всяком случае субъектами с понижением и даже потерей нравственного чувства. Eulenburg говорит, что типичный сладострастный убийца всегда представляет собой, несомненно, существо самобытно психопатическое, в большинстве случаев с порочной наследственностью, с резко выраженными признаками вырождения, с характерными стигматами в строении черепа и мозга. Отчасти мы имеем дело с дегенератами и эпилептиками, которые уже в ранней молодости представляют все признаки полового извращения, обнаруживают наклонность к онанизму, к педерастии, эксгибиционизму, любострастным убийствам людей и животных и к другим преступлениям против нравственности. Это состояние чаще всего наблюдается у параноиков, идиотов, алкоголиков, эпилептиков, истериков и при старческом слабоумии. Типичнейшую и ужаснейшую картину в этом

отношении представляет маршал Cilles de Lavale, Sir de Rayes, живший в 1404–1440 гг. В молодости он любил читать произведения Светония о цезарях, и гнусные деяния Тиберия, Каракаллы и проч. заложили в его душе основы жестокости с безобразными склонностями. Прекрасно образованный, обладающий огромнейшими богатствами, со славным именем, он, еще будучи в армии, стал известен своими ужасающими мир эротически-тираническими приемами. Когда он ехал рядом с Жанной д'Арк в рядах войска, то солдаты нередко говорили: «Вот гарцует дьявол с ядом с пресвятой девой».

В 26 лет он покидает двор, бросает свою блестящую военную карьеру, оставляет жену и ребенка, запирается в уединенном замке в Бретани, делает бессмысленные траты, предается мистике, заклинаниям чертей и т, п., впадает в половой разврат, становится педерастом, похитителем детей, убийцей, садистом, осквернителем трупов и т, д., обнаруживая при этом нередко бред величия, гордясь необычайностью и чудовищностью своих преступлений… Летопись говорит: он любил чтение, изящные искусства, имел богатые коллекции. Весьма возможно, что для него прототипом его мерзостей послужили аналогичные деяния римских императоров, подобно тому как, в свою очередь, жизнь и преступно-мерзкие деяния цезарей послужили прототипом для маркиза де Сада.

Рассказывают, что когда Карл VII, увидев его, уже судимого и преданного тюремному заключению, сказал ему: «Ах, Жиль, ничего подобного не было бы, если бы ты не покинул двора», — маршал ответил: «Государь, я оставил двор, ибо дьявол меня наталкивал на изнасилование и умерщвление дофина».

Последний век не остался без подражателей своим предшественникам и в области садизма. Мы имели их в лице уайтчепельского Джека-потрошителя в Лондоне и в последнее время в лице душителей в Париже и Будапеште.

28-летний Лежер в Париже завлек пятнадцатилетнюю девушку в лесную чащу, где задушил ее и напился ее крови. На вопрос следователя по поводу последнего обстоятельства он отвечал: «Мне хотелось пить».

Между женщинами было также немало тираниcток или садисток. Такова царица Тамара, прекрасная, как ангел, но коварная, как демон, которая завлекала в свой замок путешественников. Они проводили ночь в ее объятиях, а на следующее утро их трупы выбрасывались в Терек. По Пушкину, «Клеопатра была так развратна и так прекрасна, что многие купили ее ласку ценой жизни».

Иногда тиранизм эротический избирает своим объектом

животных. Так, мальчик 12 лет заметил, что испытывает особенное удовольствие, когда душит кур, вследствие чего стал истреблять их массами, сваливая вину на хорька. Затем, уже взрослым, этот больной стал нападать на женщин и в тот момент, когда душил их, испытывал сладострастный спазм и имел извержение семени. Обыкновенно он отпускал своих жертв еще живыми, но в двух случаях задушил до смерти, так как эякуляция замедлилась. Он также вырывал у своих жертв волосы, раздирал внутренности и пил их кровь.

Gyurkoweczky передает такой случай. Мальчик 15 лет из благородной семьи страдал эпилепсией. Однажды оказалось, что мальчик этот за деньги нанял другого, своего приятеля 14 лет, подчиниться его прихоти, что тот и исполнил. Тогда у них происходили такие сцены: старший мальчик крепко щипал другого за предплечья, ягодицы и икры, так что тот начинал плакать; слезы эти еще больше возбуждали маленького садиста; продолжая правой рукой колотить приятеля, он левой онанировал. Это занятие доставляло ему несравненно большее удовольствие, чем простая мастурбация.

Иван Кедров приводит следующий случай Эйккартгаузена. Одна женщина, находя большое удовольствие в том, чтобы видеть на голом теле текущую кровь, нанимала за дорогую цену девочек и мальчиков для подобного рода операций. Но один раз наслаждение ее слишком долго продолжалось: она умертвила девочку и была за это казнена.

Наконец, как на типичнейшего эротического тираниста можно указать на Тиберия, у которого утонченнейший разврат сопровождался всякого рода жестокостями. Под конец его жизни из Каприи увозили массу трупов девушек и мальчиков, замученных бесстыдным стариком; их, по словам историков, увозили из дворца больше, чем привозили цветов и благовоний.

В 1891 г. в Париже судился некто Мишель Блох, торговец алмазами, миллионер, около 60 лет, женатый и отец двух взрослых дочерей. Он сам возбудил против себя дело благодаря гнусному поведению при расплате со своими жертвами. Одна из его прежних жертв неоднократно обращалась к нему письменно, требуя вознаграждения 180 фр. Вместо того чтобы удовлетворить ее скромное до смешного требование, Блох нашел целесообразным прибегнуть к помощи полиции для защиты от «вымогательства». Полиция вытребовала к себе молодую девушку, показания которой и дали вскоре повод выставить против Блоха обвинение в соблазнении несовершеннолетних к непотребным действиям и к насильственным актам. Из показаний свидетелей и судебного дознания получается следующая картина. Девочка

была приведена в комнату сводницы и должна была совершенно раздеться вместе с двумя находящимися здесь сверстницами. Совершенно голые, все трое вступили в голубую комнату, где их ожидал пожилой господин. Этот господин и был Блох. Он принимал своих жертв, небрежно растянувшись на софе, в пеньюаре из розового атласа, богато украшенном белыми кружевами. Девушки приближались к нему каждая порознь, молча, с улыбкой на устах (это категорически требовалось). Им дали иглы, батистовые носовые платки и хлыст. Первая девочка должна была опуститься перед ним на колени, и он начал вкалывать ей иглы в грудь, ягодицы, почти во все части тела, в общем до 100 штук. Затем он сложил носовой платок в виде треугольника и укрепил его 20 иглами на груди молодой девушки так, что один кончик платка приходился между грудями, а оба других конца на плечах, и потом с одного размаха оторвал приколотый таким образом платок. Теперь только, по-видимому, достаточно разгорячившись, он набросился на молодую девушку, бил ее хлыстом, вырывал пучки волос на лобке, сжимал ей соски и т. п., наконец, удовлетворил себя на ней на глазах ее подруг. Последние тем временем должны были обтирать с него пот и принимать пластические позы. В заключение он отпустил всех трех девиц и вручил им гонорар в 40 франков. Впоследствии Блох производил эти сеансы в другом месте, платил девушке по 5 франков, а потом и совсем перестал платить.

Маркиз де Сад по отношению к своим жертвам был щедр, вознаграждая их луидорами в достаточном количестве.

О свойствах его половой аномалии летопись его современников или ничего не сообщает, или — крайне смутные предположения. Фантазия разных писателей и даже врачей приписывает маркизу де Саду чудовищные вещи.

Трудно допустить, чтобы все сообщаемое Клернье о времени пребывания в замке Миолан было правдой. Клернье, врач по профессии, посещал коменданта де Лонай и попутно наблюдал за столь интересным типом, каким являлся де Сад.

«Однажды маркиз де Сад чуть было не совершил преступление, от которого содрогнулся бы весь мир, — пишет д-р Клернье. — Известно, что для достижения большего сладострастия маркиз де Сад в момент, предшествующий половому акту, наносил раны, наслаждаясь не только видом крови, но и страданиями своих жертв. Однажды, гуляя по полям, соприкасавшимся с валом крепости Миолан, маркиз де Сад увидел, как женщины разгребают сено и потряхивают его граблями.

Долго он сидел на скамеечке вместе со сторожем. Затем

вдруг его взор пал на борону, повернутую остриями кверху. В разгоряченном мозгу заиграла демоническая фантазия опрокинуть на нее проходившую в этот момент работницу, жену одного из привратников тюрьмы.

Под предлогом болезни желудка он направился навстречу этой работнице. Не прошло и минуты, как воздух огласился сердце раздирающими криками. Маркиз держал в своих руках молодую женщину и бегом увлекал ее по направлению к бороне.

На счастье застигнутой врасплох другие работницы освободили женщину от этого жестокого сластолюбца».

Когда у него отняли его жертву, он, по словам доктора Клернье, плакал горючими слезами, как плачут дети, когда у них отнимут игрушку или лакомство.

В процессе Розы Келлер разобраться трудно — много лжи и со стороны обвинительницы, и со стороны самого маркиза, обвинявшегося в покушении на убийство этой женщины.

Но бесспорно, что маркиз де Сад не остановился бы перед убийством, если бы жертва оказала непреодолимое сопротивление.

Такие субъекты настойчивы, и, оставаясь в других отношениях нормальными, они в смысле достижения цели не останавливаются ни перед чем.

Если бы юстиция того времени находилась на уровне гуманных и нормальных взглядов, то маркиз де Сад не провел бы в заключении более 20 лет. Он с первого же момента попал бы в дом для душевных больных, и в молодые годы половой дефект при известном режиме и разумной диете мог бы значительно смягчиться. Но юстиция того времени считалась со всем, кроме здравого смысла и науки. Мнение озлобленной тещи столь развратного зятя было гораздо более влиятельно, чем все доводы людей науки и юстиции.

Но предоставим слово доктору Альмера, который на исследование жизни маркиза потратил немало труда и времени.

Королевский офицер

В мае 1754 года Николай Паскаль де Клерамбо, племянник и преемник своего дяди Петра де Клерамбо, знаток генеалогии, удостоверил благородное происхождение молодого провансальца, который ходатайствовал о зачислении его в ряды легкой кавалерии королевской гвардии.

Это был Донат Альфонс Франсуа де Сад, родившийся 2 июня 1740 года в Париже — сын Жана Батиста Франсуа де Сада, графа де Сада, и Марии Элеоноры де Мелье де Карман, его супруги.

Род де Сада, или де Садо, имеющий множество разветвлений, считался древнейшим и знаменитейшим в Провансе.

Это маленькое генеалогическое изыскание о человеке, историю которого мы хотим рассказать, необходимо, так как происхождение отразилось на судьбе и на всем характере этого своеобразного человека.

Даже его ошибки находят в большинстве случаев свое объяснение в родовой гордости феодала, не желавшего подчиняться никому и ничему и считавшего себя выше законов.

Из его романа «Алина и Валькур», являющегося автобиографией маркиза, мы позаимствуем следующие строки. Он пишет:

«Связанный по моей матери со всем тем, что в провинции Лангедока было самого лучшего и блестящего, рожденный в Париже, в роскоши и богатстве, я считал с момента, когда пробудилось мое сознание, что природа и судьба соединились лишь для того, чтобы отдать мне свои лучшие дары; я думал это, так как окружающие имели глупость мне это говорить, и этот более чем странный предрассудок сделал меня высокомерным, деспотом и необузданным в гневе; мне казалось, что все должны мне уступать, что весь мир обязан исполнять мои капризы, что этот мир принадлежит только мне одному».

Итак, 24 мая 1754 года маркиз де Сад зачислен в королевскую гвардию.

Ему было пятнадцать лет, когда он был произведен в подпоручики, конечно, не благодаря его способностям, а его имени.

Офицерский чин, даваемый детям, не был тогда редкостью.

В 1757 году, в первых числах января, Людовик XV восстановил чин корнета (офицера-знаменосца).

Одним из первых получил этот чин маркиз де Сад.

11 января он был утвержден в должности корнета в карабинерском полку.

Карабинеры, можно сказать без преувеличения, считались избранными из избранников.

Ни один корпус до революции не выказал столько мужества и стойкости — они одни решили исход многих сражений.

Людовик XV, который ценил их боевые заслуги, выразил желание быть полковником карабинеров, а командиром назначил своего сына герцога Монского.

Маркиз де Сад прослужил два года в карабинерах. 21 апреля 1759 года он был переведен капитаном в Бургундский кавалерийский полк.

Капитан в 19 лет — это для маркиза де Сада большое повышение. Неизвестно, почему он не был этим удовлетворен. Вероятно, у него был и тогда беспокойный и тяжелый характер, который он сохранял всю свою жизнь и который оказался главной причиной всех его бедствий. Надо предположить, что, при своем характере, он создал себе в полку множество врагов.

Он пытался переменить полк даже с понижением в чине, хотел получить место знаменосца в жандармерии, но недостаток в средствах помешал этому — за офицерские места в войске в то время платили большие суммы.

Маркиз де Сад, как придворный офицер, вел, с присущей ему страстностью и необузданностью, бурную, сумасшедшую жизнь, которая делала пребывание в большинстве гарнизонов веселым и приятным.

Посещал собрания, спектакли, на которых он и его товарищи имели постоянные места. Он блистал на балах, где собиралось все городское дворянство, и участвовал в прогулках.

Он играл на сцене и писал маленькие статьи во «Французском Меркурии», без подписи, чтобы не прослыть педантом, который придает этим пустякам какое-нибудь значение.

Он имел несколько дуэлей, из которых вышел с честью.

Он делал долги и не платил портному, так как уже тогда это считалось среди аристократов «хорошим тоном».

Фавар в своих куплетах определил две главные обязанности хорошего офицера:

> Служить королю и женщинам —
> Вот смысл военной службы…

Маркиз де Сад служил женщинам, быть может, даже больше, чем королю.

Он хвастался своими успехами, иногда воображаемыми. Не одно сердце противника пронзил он острием своей шпаги; но еще

более сокрушал женские сердца.

Сердца того времени — мы не говорим о нашем — не оказывали большого сопротивления, когда за ними охотился молодой офицер.

Они отдавались по первому требованию, а иногда даже раньше. Маркиз де Сад, следуя моде, старался приобрести и быстро приобретал репутацию «негодяя». Он ее сохранил на всю свою жизнь.

В романе «Алина и Валькур» он рассказывает об одной своей любви, в бытность в гарнизоне, любви, рождавшейся на одном балу и уже умиравшей ко второму балу, быстро приходившей к развязке…

Предоставим ему слово.

«Наш полк стоял гарнизоном в Нормандии, там начались мои несчастья.

Мне шел двадцать второй год, занятый до тех пор военной службой, я не знал моего сердца, не подозревал, что оно так чувствительно.

Аделаида де Сенваль, дочь отставного офицера, поселившегося в городе, где мы стояли с полком, сумела победить меня. Пламя любви объяло мою душу…

Я не буду рисовать вам портрета Аделаиды: это была такого рода красота, которая одна была в состоянии пробудить любовь в моем сердце; это были именно те черты, которые проникали в мою душу. Но в Аделаиде меня опьяняли не только красота, но и добродетели, которые я читал на ее лице и которым я поклонялся.

Я ее любил, так как мне необходимо было обожать все то, что имеет сходство с созданным мной идеалом: это оправдывало мое увлечение, но вместе с тем было и причиной моего непостоянства.

В гарнизонах есть обычай избирать себе каждому любовницу, но смотреть на нее как на божество, поклоняться ей от безделья, бесцельно и безрезультатно и оставлять ее без сожаления, как только над полком развернутся знамена. Я по совести решил, что не могу так любить Аделаиду…

Шесть месяцев прошло в этой иллюзии, наслаждения не охладили любовь, в опьянении наших отношений был момент, когда мы хотели бежать на край света… Рассудок взял верх; я начал думать, и с этого рокового момента для меня стало ясным, что я любил ее совсем не так сильно. У нее был брат, пехотный капитан, мы решили открыться ему… Его ждали, но он не приехал… Полк ушел, мы простились: лились потоки слез; Аделаида напомнила мне мои клятвы, я подтвердил их в ее

объятиях… и мы все-таки расстались.

Мой отец звал меня на эту зиму в Париж, я поехал; дело шло о моей женитьбе; его здоровье пошатнулось, и он хотел видеть меня устроенным ранее своей смерти; этот проект, удовольствия столичной жизни мало-помалу вытеснили окончательно образ Аделаиды из моего сердца. Я, впрочем, в семье о моей любви не молчал, честь заставила меня сознаться, и я это сделал. Сердце не оказывало мне никаких препятствий, и я уступил без сопротивления, без угрызений совести… Аделаида об этом скоро узнала… Трудно описать ее горе: ее любовь, ее чувствительность, ее самолюбие, ее невинность, все то, что доставляло мне наслаждение, обратилось в ничто, не оставив следа в моем сердце.

Два года прошло для меня — в удовольствии, а для Аделаиды — в раскаянии и отчаянии.

Она написала мне однажды и просила единственной милости: поместить ее в монастырь кармелиток. Тотчас, как только я это устрою, — она покинет дом отца и придет „лечь живою в гроб, приготовленный для нее моими руками“.

Совершенно спокойный, я шутя отнесся к этому ужасному плану молодой девушки и посоветовал ей забыть в узах Гименея сумасбродства любви.

Аделаида мне не ответила ничего. Но через три месяца я узнал, что она вышла замуж. Освобожденный от этой связи, я решил последовать ее примеру».

Парижским трактатом, подписанным 10 февраля 1763 года, была окончена — нельзя сказать, чтобы со славой — Семилетняя война.

15 марта маркиз де Сад был зачислен в запас. Его семья воспользовалась этим, чтобы его женить. Она надеялась, что женитьба заставит его вести более правильную жизнь.

Женитьба маркиза де Сада
Две дочери г. де Монтрель
Прерванная любовь

В 1763 году Клод Рене Кордье де Монтрель был уже в течение двадцати лет президентом третьей палаты по распределению пошлин и налогов в Париже.

Он жил на Новолюксембургской улице, в самом аристократическом квартале города.

Женат он был на Марии Мадлене Массов де Плиссе и предоставил своей властной и энергичной жене роль управительницы домом.

Он председательствовал в палате, но дома не имел даже прав судьи. Г-жа Кордье решала все единолично и бесповоротно, а муж, ничего не желавший, кроме спокойствия, соглашался.

У них были две дочери. Старшая — Рене-Пелажи двадцати трех лет. Она не была хороша или, по крайней мере, не казалась красивой на первый взгляд. Ее красота вся сосредоточилась в глазах, нежных, выразительных, подернутых меланхолической дымкой, как будто бы прикрывающей глубокую сердечную тайну.

Глаза эти скрывали под полузакрытыми веками неутоленный пыл цельной и страстной натуры.

Это была обаятельная молодая девушка, но ее очаровательность, подобно прелести скромной полевой фиалки, не бросалась в глаза.

Она не считала себя достойной любви, способной внушить страсть, и не чаяла найти в своем будущем муже беспредельно преданного любовника.

Зеркало ей не говорило того, что говорит многим другим, более самонадеянным.

Она в нем не замечала ни томности своих глаз, ни прелести своей улыбки — казалось, ничто не позволяло ей надеяться на лучезарное будущее.

Излишняя скромность, недоверие к самой себе имели для Рене-Пелажи де Монтрель роковые последствия. Первому, кто заставил забиться ее сердце, она пошла навстречу, полная признательности, и отдалась вся, душой и телом, без сопротивления, без оглядки.

Младшая дочь, Луиза, совсем не была похожа на старшую. Ей было шестнадцать лет, возраст, когда из ребенка расцветает женщина, как из бутона — цветок.

Но это была Джульетта, ожидающая своего Ромео.

Она уже тогда влюблялась тайком, была кокеткой, горячей натурой, падкой до всех удовольствий, скорее чувственной, нежели чувствительной.

Ее характер сквозил в ее блестящих глазах, в ее подвижном, задорном лице, во всей ее женственной фигуре.

Маркиз де Сад, который заботился о том, чтобы его не забыли любовницы, проводил большую часть своих отпусков в Париже.

Семейство Монтрель находилось в дружбе с его семейством. Они часто посещали друг друга. Мало-помалу маркиза стала привлекать блестящая красота Луизы — и рано пресытившийся человек полюбил.

Его возраставшая день ото дня страсть помешала ему обратить внимание на внушенную им самим страсть — его уже любила Рене-Пелажи.

Он этого не знал и не давал ей ни малейшего повода надеяться, но эта безнадежность тем более усиливала ее чувство.

Сестры были соперницами, но одна из них любила сильнее, и, как всегда, именно она-то и оставалась без взаимности.

Рене-Пелажи страдала, но не обнаруживала этих страданий. Она не жаловалась. Она считала себя не вправе жаловаться.

Она не променяла бы маленькие радости, которые ей доставляла ее грустная любовь, ни на какие сокровища мира. Слово, сказанное с большей нежностью, менее равнодушный взгляд делали ее на целый день счастливой. Она снова воспылала надеждой и от души прощала своей сестре и ее молодость, и ее красоту.

Между тем среди желаний, надежд, среди интриг влюбленных родители предусмотрительно обдумывали судьбу детей.

В таинственных совещаниях было решено, что маркиз де Сад женится на Рене-Пелажи. Казалось, что он любил ее спокойной любовью, и этого было достаточно, чтобы назвал своей женой. Терпеливо ожидали, когда он объяснится. Роман втроем тем временем продолжался.

Когда же молодой офицер официально заявил, что его сердце покорила младшая, в семействах де Сад и де Монтрель произошел большой переполох. Эта непредвиденная фантазия расстроила все планы. Решено было не обращать на нее внимания. Супруга президента объявила, что она не согласится выдать младшую дочь замуж ранее старшей, и не было никакой надежды побудить ее изменить свое решение.

Маркиз де Сад некоторое время противился, но затем преклонился перед волей семьи.

Ему ведь предлагали выгодный брак с хорошим приданым. Не значило ли это, что поступают рассудительно и в его интересах?

Свадьба в интимном кружке была отпразднована 17 мая, в церкви Св. Роша.

Взамен красоты Рене-Пелажи принесла своему мужу сердце, полное им одним, и большое состояние.

Жизнь молодых, если бы деньги играли действительно ту роль в счастье, которую им приписывают, могла легко быть счастливой. Маркиза, опьяненная сбывшейся мечтой, забыла часы треволнений и с доверием относилась к мужу. Человек, которого она любила, принадлежал ей по закону. Она надеялась силой своей нежности уничтожить его предубеждение и заставить забыть прошлое. Это сердце, которое продалось, а не отдалось и которое она чувствовала еще таким далеким от себя, она сумеет завоевать и сохранить навсегда.

Сильные страсти слепы. Маркиза де Сад не желала или не могла понять того возмущения и той горечи, которые оставил в глубине сердца ее мужа этот ненавистный брак — результат принуждения. Между им и его женой стоял образ Луизы с влюбленной улыбкой. Воспоминания, сожаления об отсутствующей делали ненавистной покорную, готовую на все жертвы привязанность той, которую он считал для себя чужой.

С целью ли избегать ее, или из желания оскорбить, а быть может, просто, чтобы забыться, он закружился с какой-то яростью в вихре удовольствий, казавшихся ему, в его мучительном состоянии духа, законным отмщением, возмездием. Он снова начал делать долги, завел любовниц и афишировал связь с ними. Но все старания забыться не удавались.

Мимолетные любовные встречи, не оставлявшие после себя ничего, кроме скуки и отвращения, породили в нем желание глумления над этими легко отдающимися, несчастными, неразвитыми женщинами. Не только презрение, но прямо ненависть возбуждали в нем кокотки и актрисы, часто хорошенькие, иногда очень любезные, но которым он не прощал одного — они не были Луизой де Монтрель. Здесь коренится истинная причина того, что называют с тех пор по его имени «садизмом». Так по крайней мере объяснял свои поступки сам маркиз.

Он мстил любви за то зло, которое ему причинила любовь… Страдания, которым он подвергал других, имели конечной целью облегчение его страданий. Сохранив и после своей женитьбы «маленький домик» в Аркюэле, он возил туда не только актрис Большой Оперы и Французской Комедии, принадлежавших, так

сказать, к аристократии порока, но и менее известных, менее элегантных женщин, парижских горожанок, желавших вкусить мимоходом запрещенный плод, светских девушек, вступивших на скользкое поприще вольной жизни, но еще не утвердившихся на нем.

Попадали в этот «маленький домик» и проститутки, поджидавшие клиентов на углах улиц. Выбирая их, он рассчитывал, что жалобы этих неизвестных и презираемых женщин не обратят на себя внимания полиции.

В чем именно состояло жестокое обращение с ними в «маленьком домике» в Аркюэле в 1763 году, осталось неизвестным — ни один документ того времени не говорит об этом. Можно лишь предположить, что происходило то же самое, что обнаружено позднее, в 1768 году, и произвело такой крупный скандал.

Словом, подробности эротических безумств маркиза де Сада покрыты мраком неизвестности. Большинство жертв получали от своего палача хорошее вознаграждение и, уходя вполне утешенными, даже не жаловались. Нашлись, впрочем, некоторые, более других измученные или же по своему характеру менее сговорчивые, которые пожаловались, и, к крайнему удивлению маркиза, их жалобы были услышаны.

Более чем снисходительный к своим собственным порокам, Людовик XV охотно проявлял строгость к порокам своих ближних.

Он приказал расследовать случаи в «маленьком домике» в Аркюэле, и маркиз де Сад 29 октября 1763 года был заключен в королевскую тюрьму в Венсене.

Попав совершенно неожиданно за свои, по его мнению, не стоящие внимания любовные грешки в заключение, маркиз де Сад пытается просить о своем освобождении, и в письме к начальнику полиции это чудовище прикидывается отшельником.

Он говорит о своей жене и теще, о том горе, которое причинило им его внезапное исчезновение, кается в своих грехах и просит прислать священника, который помог бы ему твердой ногою вступить на стезю добродетели.

В то же время семейства де Сад и де Монтрель начали, со своей стороны, усиленные хлопоты с целью его освобождения.

4 ноября эти хлопоты увенчались успехом. Маркиз де Сад по указу короля был освобожден, но ему было предложено уехать в провинцию.

Он уехал в Эшофур, где жило большую часть года семейство его жены и где он снова встретился с Луизой де Монтрель.

Думать, что после брака и тюремного заключения он забыл о

своей любви — значит мало знать его.

Присутствие его молодой свояченицы и ее более напускное, нежели действительное, равнодушие сделали маркизу де Саду ненавистным пребывание в замке, где под наблюдением г-жи Кордье де Монтрель, более строгой, нежели тюремщики Венсена, он чувствовал себя арестантом.

Ему недоставало Парижа, и он день и ночь мечтал вернуться туда.

Маркиз начал в письмах убеждать свою жену, что жить вдвоем с ней его единственное горячее желание. В самых теплых выражениях он рисовал пленительную семейную жизнь, все ее радости, которых он лишен в изгнании. На самом же деле он скучал, разумеется, не по своему семейному дому, а о «маленьком домике».

Маркиза де Сад видела в своем муже только жертву. Она была молода и любила его, верила его словам, и его отсутствие приводило ее в отчаяние. Она сделала все, чтобы прекратить его изгнание. Тронутый ее бесконечными жалобами, президент Кордье де Монтрель стал хлопотать о возвращении мужа дочери.

11 сентября 1764 г. приказ об изгнании маркиза де Сада был отменен королем.

Маркиз, после почти годичного пребывания в нормандском замке, был освобожден и мог, как он этого желал, жить со своей женой.

Как употребил он эту свободу, с такими усилиями достигнутую?

Лучшим ответом на это служит рапорт инспектора полиции Маре:

«30 ноября 1674 г. граф де Сад, которого я, по приказу короля, год назад препроводил в Венсенскую тюрьму, получил дозволение вернуться в Париж, где находится и в настоящее время. Я строго запретил Бриссо[1] отпускать с ним девушек в „маленькие домики“.»

Если Маре не прибавляет ничего более в своем рапорте, то причина этого весьма простая: его старый клиент вернулся к своим прежним привычкам. Ему нужна была кровь его любовниц.

Десять или двенадцать месяцев, которые он провел в провинции, дали ему возможность сделать сбережения. Он их тратил на излюбленные им мимолетные свидания и на безумные оргии.

Общественное мнение, которое следило за ним с большим вниманием, приписывало ему в качестве любовницы г-жу Колетт, приютившуюся в Итальянской Комедии, чтобы избежать имени еще более унизительного, чем «кокотка». У него была, весьма

вероятно, временная связь с этой «полуактрисой», но настоящей его любовницей была танцовщица Оперы, Бовуазен, знаменитая своим развратом. Он выбрал ее, как учительницу порока, хотя, по справедливости, он сам мог бы ей давать уроки в этой области.

Имя Бовуазен часто упоминалось в скандальной хронике XVIII века. «Секретные мемуары» изображают ее хорошенькой женщиной, но без талии, маленького роста и толстой.

Бовуазен, знавшая мужчин, заменила влияние своей увядшей красоты излишествами разврата во всевозможных формах.

Ее вывел в свет «тонкий любитель» маркиз де Бари, по прозвищу «Бари-развратник». Затем, сделавшись общим достоянием, она имела бесчисленное множество любовников, откупщиков и джентльменов, князей и приказчиков, от которых она не требовала ничего, кроме щедрости.

Мечтой всех этих «торговок любовью» было попасть на сцену, чтобы лучше поставить свою торговлю. Бовуазен стала брать уроки у танцовщика Лани и спустя короткое время благодаря сильной протекции поступила сверхштатной танцовщицей в Оперу.

Она иногда танцевала, но гораздо больше посвящала себя любви.

Все в конце концов надоедает — даже быть сверхштатной танцовщицей в Опере. Года взяли свое. Бовуазен отяжелела, и ей стало трудно исполнять пируэты и антраша на сцене.

Она решила изменить свою карьеру и стала играть в карты, или, лучше сказать, предоставила возможность играть другим. У нее было два игорных притона…

Надо заметить, что в этих притонах не только играли: там можно было купить любовь по всяким ценам. Стареющая распутница сделалась сводней.

Бовуазен была необходима маркизу де Саду в его любовных похождениях. Этим двум избранным душам самой судьбой было предназначено сблизиться.

Маркиз не довольствовался тем, что показывался с своей несколько зрелой, но недурно еще сохранившейся любовницей в Париже: он повез ее в Прованс и с почетом принимал в своем замке де Коста, около Марселя. Приглашенные им местные дворянчики поспешили явиться на зов. Они были быстро очарованы веселостью и бойкими речами этой парижанки, которая принесла в этот уголок провинции последние моды. Они находили ее немножко легкомысленной, но это в их глазах придавало ей еще большую прелесть.

В замке балы чередовались со спектаклями. Под режиссерством маркиза собралась труппа любителей, тщательно

изучивших все оттенки ролей — ставились нравственные комедии.

Этот эротоман, вне своих плотских слабостей, был человеком с большим вкусом, недюжинным умом, элегантным и общительным.

Его жизнь, всецело посвященная удовольствиям, протекала то в Провансе, то в Париже, где г-жа де Сад встречала его все с той же горячей любовью и с тем же всепрощением. Президентша де Монтрель была несколько иного мнения. Она находила, что ее зять компрометирует себя, и, без сомнения, сожалела, что дала ему возможность выйти из Венсенской тюрьмы. В другой раз она решила поступить иначе, и вследствие ее хлопот маркиз был снова призван на службу.

16 апреля 1767 года он получил приказ принять на себя командование драгунским полком и выехал без промедления к месту стоянки полка.

Офицеры того времени злоупотребляли отпусками. Они проводили вне своих гарнизонов пять или шесть месяцев в году. Маркиз де Сад часто приезжал в Париж.

В один из этих приездов он сделал своей жене дорогой подарок: 27 августа 1768 года у псе родился сын… восприемниками которого были знаменитости того времени — принц Кон-де л принцесса де Конти.

Любовник Бовуазен, сам того не подозревая, был под строгим надзором полиции.

Маре писал в своем рапорте от 16 октября 1767 года:

«Вероятно, гнусности маркиза де Сада не замедлят открыться. Он приложил все старания, чтобы сойтись с девицей Ривьер, из Оперы, предлагал ей двадцать пять луидоров в месяц с условием, чтобы она в те вечера, когда не занята в спектакле, приезжала провести с ним время в „маленький домик“ в Аркюэле. Девица Ривьер отказалась».

Маре не ошибался. Гнусности маркиза де Сада вскоре обнаружились.

«Маленький домик» в Аркюэле
Дело Розы Келлер

Часто бог любви отдыхает, расправляя свои крылышки в таинственных убежищах, где не забыто ничего, чтобы его привлечь и удержать, хотя бы на одну ночь или на один час. Для него строят под тенью густых деревьев гнездышки из зелени и мрамора.

«Маленькие домики» — результат испорченности нравов восемнадцатого века. Раньше «светские парочки», вознамерившись пошалить, просто удалялись в один из кабачков на берегу Сены, подальше от центра… Там, среди простого люда, у неизвестных содержателей кабаков, они находили простенькие кабинеты, доброе вино и хорошее жаркое. Общество гвардейских солдат с их своеобразным языком, гризеток, клерков их занимало, вносило разнообразие в светскую жизнь, освобождало от наскучившего этикета. Они сами преображались, делались простыми и наивными и разговаривали на простонародном языке. Они старались казаться состоятельными горожанами.

Для большей осторожности знатный барин, богатый финансист нанимали иногда на окраине города или в предместьях деревянные домики и меблировали две-три комнаты.

Пока длилась страсть к женщине, которую они не хотели компрометировать, — будь она титулованная особа или простая смертная, богатая или бедная, — домик этот был к их услугам, скрытый от посторонних взглядов. Редко он служил Более шести месяцев.

Эти временные квартирки лишены были изящества и комфорта. В восемнадцатом веке любовь пожелала иметь собственный утолок. Те, кто дорого платил за неудобные хижины, чтобы иметь их временно, поняли, что выгоднее будет построить или приобрести готовые хорошенькие домики в собственность. Граф д'Эвре, герцог де Ришелье, принц де Субиз, граф де Носе подали пример, которому последовали все, у кого были имя или деньги. Эта мода, доставлявшая столько удобств для любовных интриг, пришлась всем по вкусу.

Вскоре повсюду в пустынных кварталах, сохранивших деревенский вид, появились «Folies» («Безумства»). Их называли так по созвучию с латинским выражением «sud folliis» (под листьями), так как эти домики скрывались в тени деревьев, а вернее, потому, что по роскоши, с которой они были построены, украшены и меблированы, они были действительно

«безумствами», разорившими многих из их владельцев. Позднее они получили название «маленьких домиков».

«Маленькие домики» строились и приобретались как для свидания с мимолетными любовницами — с целью оградить парочку от нескромного любопытства ревнивого мужа, так часто и из тщеславия, и в последнем случае они далеко не были окружены таинственностью.

Служившие дорогостоящим порокам знатных лиц, многие из этих домиков, на вид деревенских, скромных, внутри были чудом роскоши и комфорта.

Снаружи вы видели чистенькую ферму состоятельного крестьянина, но стоило войти внутрь, чтобы быть перенесенным в фантастический дворец, созданный жезлом волшебника.

Эти маленькие дворцы были построены самыми знаменитыми архитекторами. Для их украшения приглашались лучшие художники, которые разрисовывали плафоны нимфами и амурами.

Комнаты были маленькие, но очаровательно уютные. Они манили к неге, страсти и любви. Они были созданы для таинственных свиданий и страстных увлечений, продолжительных и сладостных.

Картины, статуи и группы из бронзы и фарфора эротического содержания служили украшением «маленьких домиков», стены которых были обиты шелковой материей разных цветов — от лилового, голубого до еще более ярких. Из столовой большие окна обыкновенно выходили в сад, а стены этой комнаты украшались рисунками плодов, цветов и охотничьих сцен.

Она была ограждена от нескромных взоров слуг, обеденный стол при помощи особых приспособлений спускался в отверстие пола вниз, в кухню, и подымался снова, сервированный серебром и фарфором и изысканными яствами.

Будуар с паркетом из розового дерева имел зеркальные стены с золотым бордюром.

Мраморная отделка стен увеличивала свежесть ванной комнаты, сами ванны были украшены драгоценными камнями, краны в виде лебединых голов лили душистую воду.

Золоченые кресла, столы из авантюрина или же лакированные Мартином и мозаичные, консоли из бронзы Кафьери, клавесины, разрисованные Ватто, хрустальные или бронзовые люстры, стенные часы с изображением резвящихся сатиров и дриад, играющие веселые и игривые пьески, — словом, вся обстановка веселила глаз и вселяла радость в сердце.

Маленький сад с беседками и гротами, мраморными статуями — нимфами и купидонами, выглядывающими из

зеленя, — окружал домик. Водяные каскады, фонтаны, ручейки своим журчанием аккомпанировали звукам поцелуев.

Маркиз де Сад даже после своей женитьбы не был настолько богат, чтобы украсить свое убежище мимолетных увлечений с такой роскошью.

Обстановка его «маленького домика» нам неизвестна. Есть лишь сведения, что он находился в Аркюэле и носил прозвище «Аббатство». Ничего, кроме этого названия, не выделяло его. Он был, вероятно, очень скромен и скрыт от людских взоров, так как, несмотря на устраиваемые в нем оргии, повода обращать на него внимание не представлялось.

Со свойственной ему неразборчивостью маркиз де Сад приводил туда светских женщин, актрис и простых публичных женщин, случайно встреченных им на панелях Парижа.

Он любил быстроту в развязке, и потому его победы были в большинстве не в избранном обществе; от тех, на кого обращал внимание, он требовал только молодости, красоты и покладистого характера.

Всякая дичь была достойна этого охотника, который большую часть своего времени тратил на преследование — имея при себе вместо ружья полный кошелек — какой-нибудь гризетки со стройной талией и миловидным личиком.

3 апреля 1768 года он проходил вечером по площади Викторий. Женщина попросила у него милостыню. Она была молода и хороша. Он стал расспрашивать и узнал, что ее зовут Роза Келлер и что она вдова пирожника Валентина, который оставил ее без копейки.

История была обыкновенная, но женщина — восхитительна. Ее волнение, ее нежный, несколько жалобный голос представляли для сластолюбивого развратника, каким был маркиз де Сад, много пикантного.

Надо предполагать, что ее скромность, подверженная таким тяжким испытаниям, была слишком слаба, чтобы остановить ее от постыдного, но прибыльного занятия. Исключительно нищета толкнула ее на путь порока, по которому идут так спокойно многие, и, вынужденная крайностью, она выбрала продажную любовь как средство добывать себе хлеб.

Все это быстро сообразил маркиз де Сад, и приключение ему понравилось. Он выразил удивление, что женщина с такими прекрасными глазами, которой остается только пожелать, чтобы быть счастливой, просит милостыню. Он говорил ласково и нежно. Она его слушала, побежденная заранее.

Он намекнул ей о своем маленьком домике, где она найдет хороший ужин, немножко любви и несколько луидоров, и

предложил проводить ее туда; она согласилась без отговорок.

Маркиз позвал фиакр, и они поехали…

Что произошло дальше?

Выслушаем маркизу де Дефан.

Она в письме от 12 апреля к Горацию Вальполю рассказывает по-своему скандальную историю Розы Келлер, облетевшую в то время все великосветские гостиные:

«Он (маркиз де Сад) провел ее по всем комнатам домика и наконец привел на чердак. Там он заперся с ней и, приставив пистолет к груди, приказал раздеться голой, связал руки и начал жестоко сечь. Когда она была вся в крови, он перевязал ей раны и ушел… Женщина в отчаянии разорвала связывавшие ее бинты и выбросилась в окно, выходящее на улицу. Толпа окружила ее. Начальник полиции был уведомлен. Маркиза де Сада арестовали. Он находится, как говорят, в Сомюрской тюрьме.

Неизвестно, что выйдет из этого дела, быть может, этим наказанием ограничатся. Это весьма возможно, так как он принадлежит к числу людей, имеющих влияние».

В другом письме, написанном на следующий день, маркиза де Дефан передает Горацию Вальполю новые сведения:

«Со вчерашнего дня я узнала кое-что о маркизе де Саде. Местность, где находится его „маленький домик“, называется Аркюэль; он сек и резал несчастную в тот же день (3 апреля), а затем полил бальзамом ее раны и ссадины; он ей развязал руки, обернул ее в несколько простынь и положил на хорошую постель. Как только она осталась одна, она тотчас воспользовалась простынями, чтобы спастись бегством через окно; аркюэльский судья посоветовал ей принести жалобу генеральному прокурору и начальнику полиции. Последний распорядился разыскать маркиза де Сада…»

Ретиф де ла Бретон, один из свидетелей против маркиза де Сада в этом деле, был его личный враг.

Он показал все, что могло повредить маркизу.

Его рассказ полон ужасов, большинство которых, весьма вероятно, выдумано. Он повествует, что маркиз предложил Розе Келлер место консьержки в аркюэльском доме. Она приняла охотно это предложение. Для бедной женщины подобное место сулило покойную, обеспеченную жизнь.

Как только они приехали в «маленький домик», де Сад провел свою жертву в «анатомический театр» — такие театры существовали во многих «маленьких домиках». Там находилось много лиц, видимо, ожидавших маркиза. Он им представил молодую женщину, восхваляя ее красоту, тонкие черты, прелесть форм, и, совершенно серьезно, во имя науки, для которой он без

колебания жертвует любовью, объявил свое намерение анатомировать ее живой.

Присутствующие одобрили это намерение.

Роза Келлер, испуганная стоявшим посреди комнаты мраморным столом, разложенными перед ее глазами хирургическими инструментами, дрожала, как осенний лист. По счастью, маркиз де Сад, видимо, хотел ее только напугать.

Он ограничился тем, что изрезал ее перочинным ножом.

Другой рассказ, воспроизведенный и обработанный позднее Бриером де Буашоном, но без указания источников, чрезвычайно драматичен.

«За несколько лет до революции, — рассказывает анонимный автор, — прохожие одной из отдаленных улиц Парижа услышали страшные крики, раздававшиеся в одном „маленьком домике“. Вопли отчаяния, стоны, всхлипывания привлекли внимание любопытных. Как раз в это время дня рабочие находившихся вблизи мастерских возвращались домой.

Им было достаточно известно, что эти так называемые „маленькие домики“ посещаются высокопоставленными сластолюбцами и что опасно помешать жаждущим наслаждений развратникам в их „невинном“ времяпрепровождении.

Но крики и вопли все усиливались, и жалость к, быть может, погибающему человеку взяла верх над всякими прочими соображениями: они подошли и, обойдя дом, нашли маленькую дверь, которая после нескольких усилий была отворена. Они прошли богато убранные комнаты и, войдя в последнюю, увидали на столе, стоявшем посредине комнаты, распростертую, совершенно голую молодую женщину, с восковой бледностью лица, могущую едва слышно произнести несколько слов. Ее тело было перевязано бинтами, из двух разрезов на ее руках текла кровь; из легкораненых грудей тоже сочилась кровь, наконец, половые части, тоже израненные, были перепачканы кровью. Когда ей была подана первая помощь и она пришла в себя, освободители услыхали от нее, что она была приведена в этот дом знаменитым маркизом де Садом.

Маркиз угощал ее на славу. Чудные пулярды, начиненные вкусными специями, доброе вино, преподносимое в избытке „гостеприимным“ хозяином, произвели свое действие.

— Вы прелестны, — говорил он, — как роза. Но роза должна открыть свои страстные лепестки и не прятать свои прелести.

Так уговаривал ее раздеться маркиз де Сад.

Ужин продолжался. Маркиз был уже немного раздражен неожиданным упорством.

Нежная предупредительность вдруг исчезла, и маркиз, только

что изображавший столь рыцарски воспитанного феодала, изменил этому топу и впал в другую крайность.

После ужина он велел слугам раздеть женщину, положить на стол и привязать.

Приказание было исполнено, и один из мужчин ланцетом вскрыл ей вены и произвел много порезов на теле. Затем все удалились, а маркиз, раздевшись, бросился на нее и стал удовлетворять на ней свою страсть. В порыве страсти он вдруг снова прибег к нежности.

Он уверял ее, что не имеет намерения причинить ей зло, но так как она не переставала кричать и около дома послышался шум, то маркиз быстро встал, оделся и исчез вместе со своими людьми».

Мы закончим наши изыскания статьей де Дюлора, в которой маркиз де Сад изображен настоящим вампиром.

«Злодей, после совершения своего гнусного преступления оставив эту женщину (Розу Келлер) умирающей, стал сам копать в саду ей могилу; но несчастная, собрав все свои силы, успела спастись, обнаженная, окровавленная, через окно. Добросердечные люди расспросили ее и вырвали жертву из власти разъяренного тигра».

Из всех этих преувеличений, из всех этих легенд довольно трудно вывести истину. Попробуем сделать это.

Маркиз де Сад был одновременно развратником, искавшим сильных, редких ощущений, мистификатором, склонным к грубым шуткам. Когда Роза Келлер прибыла в «маленький домик», ему пришла мысль вызвать у этой несколько глупой бабенки трагикомический ужас.

Ему пришла фантазия вместо нежного любовника, которого она ожидала встретить, представиться ей палачом.

Он стал ей грозить.

Он показал ей хирургические инструменты, длинные ножи с острыми и тонкими лезвиями. Ими он потрясал со злобным видом.

Несчастное создание подумало, что оно имеет дело с сумасшедшим, — и до некоторой степени не ошиблось.

Этот сумасшедший, с хирургическим ножом в руках, говорил, что зарежет ее, как птицу.

Она защищалась, кричала, звала на помощь.

В припадке ярости, а быть может, и садизма маркиз бросился на нее. Хирургическим ножом, а по многим другим показаниям современников перочинным ножом, он ее сильно ранил.

Кровь брызнула.

Но так как обезумевшая от страха несчастная кричала все

сильнее и сильнее, он завязал ей рот и уехал, отнеся ее на кровать, приложив к ее ранам один из тех чудодейственных бальзамов, рецепты которых сохранялись, как драгоценность, в семье маркиза, переходя от поколения к поколению…

Ночь привела его к здравым решениям. Он понял, что попал в скверную историю и что его хирургический эротизм может завести его далеко. Он возвратился поневоле на другой день в «маленький домик» в Аркюэле, где Роза Келлер в постели все еще плакала, металась и, по рассказам маркиза, в то же время рассчитывала в уме выгоды, которые ей удастся, при умелом ведении дела, извлечь в вознаграждение сделанных на ее теле порезов.

Отпустить ее? Де Сад, быть может, думал об этом, но он мог бояться, что, вырвавшись на свободу, она побежит к сельскому судье и принесет жалобу. Лучше задержать ее на день, на два, чтобы усмирить гнев и заживить раны.

Он пришел к этому решению.

Он только хотел выиграть время, которое устраивает в жизни многое. Отдалить скандал — часто значит избежать его, думал де Сад.

Роза Келлер, со своей стороны, не имела другого желания, как покинуть возможно скорее этот проклятый дом, где ее жизнь была в опасности, избавиться во что бы то ни стало от рук опасного маньяка. Инстинкт самосохранения удвоил ее силы, и она освободилась от связывавших ее бинтов.

Она подбежала к окну и с риском сломать себе шею прыгнула на улицу.

Со слезами, с криками отчаяния и гнева, прерывая свои слова рыданиями, она рассказала свою печальную историю.

Для того же, чтобы показаться более интересной или же чтобы увеличить себе вознаграждение, она не пожалела мрачных красок, описывая ту опасность, которой она подверглась, и мучения, которые она перенесла.

Она указала дом, а дом открыл виновного.

Двадцать лет должно было еще пройти, прежде чем вспыхнула революция; но ненависть против дворян уже давно росла и сделала свое дело и в данном случае.

Все аркюэльские крестьяне, жившие под гнетом нужды, терпеть не могли этих знатных господчиков, надменных и богатых, бесполезная жизнь которых была одним сплошным праздником.

Несчастные хижины, переполненные кучами оборванных, подчас голодных детей, были, не без основания, проникнуты ненавистью к «маленьким домикам», в которых тратилось столько

денег рядом с вопиющей нищетой народа.

Представился случай для аркюэльских крестьян выразить свою злобу и ненависть, не рискуя ничем.

Все селение мгновенно заволновалось.

Произошел почти мятеж.

Особенно казались возбужденными женщины.

Даже самые некрасивые и старые представляли себя в положении Розы Келлер, привязанными к кровати перед лицом человека, вооруженного ножом, и дрожали от ужаса.

Сельские власти переходили от толпы к толпе, просили успокоиться и обещали, не будучи в этом уверенными, что правосудие совершится. Но им не верили.

«Жертву» проводили к судье, жалоба была принесена и поддержана самим народом.

Люди, не видавшие ничего, предлагали себя в свидетели, и судья должен был выслушать кроме заявления потерпевшей до двадцати самых разноречивых, но полных драматизма показаний…

Жалобы Розы Келлер, которая, конечно, за свои царапины хотела получить хорошее вознаграждение, доставили ей уважаемых и влиятельных покровителей и между ними президента Пикона, имевшего дом в Аркюэле, который стал действовать энергично. Следствие повели серьезно. Процесс казался неизбежным.

Мы не будем пытаться оправдывать человека, который резал перочинным ножом своих любовниц, но дело Розы Келлер для всех тех, кто его внимательно изучал, имеет признаки шантажа.

Несомненно, что в интересах вдовы Валентина было преувеличить свои страдания, чтобы иметь возможность требовать солидного вознаграждения, которое она и получила.

С таким же правом можно положительно утверждать, что много лиц воспользовались этим скандалом, чтобы выместить свою злобу на дворянском сословии или на семействе маркиза.

Не для того, чтобы обелить маркиза де Сада, по чтобы лучше понять и объяснить его заблуждения, жестокости его разврата, столько печальных доказательств которых он дал, надо вспомнить, что этот сластолюбец, человек наслаждений, от всей души презирал публичных женщин.

Ни одна из них не казалась ему достойной увлечения, симпатии. Он отказывался понимать, как таких женщин можно было считать людьми и унизиться до того, чтобы им покровительствовать.

Он писал в «Алине и Валькуре», видимо, не без намека на жалобы Розы Келлер, принятые во внимание судом:

«Только в Париже и Лондоне эти презренные твари находят поддержку. В Риме, Венеции, Неаполе, Варшаве и в Петербурге их спрашивают, когда они обращаются к суду, заплатили ли им? Если пет… то требуют, чтобы им было уплачено: это справедливо. Жалобы на дурное с ними обращение не принимаются, а если они вздумают докучать суду со всякими сальностями, их заключают в тюрьму.

Перемените ремесло, говорят им, а если оно вам нравится, терпите его шипы.

Публичная женщина — это презренная рабыня любви. Ее тело, созданное для наслаждения, принадлежит тому, кто за него заплатил. С ней, раз ей заплачено, все дозволено и законно».

Понятно, к чему может, привести такая теория. Известно, куда она привела маркиза де Сада.

Де Сад придавал «увеселительной прогулке» 3 апреля 1768 года, так хорошо начатой и так плохо окончившейся, очень мало значения.

Семейство де Сад и де Монтрель поспешило привлечь на свою сторону жалобщицу. За сто луидоров они получили ее отказ от жалобы, и с этими деньгами она вышла замуж.

Таким образом, после приключения, которое должно было надолго отвратить ее от порока, Роза Келлер, вдова Валентина, была обращена на путь добродетели.

Маркиз де Сад избег процесса, который мог иметь для него самые неприятные последствия, но он не вышел совершенно оправданным из этой печальной истории. По приказу Людовика XV он был заключен сперва в Самюрскую тюрьму, а затем в тюрьму в Лионе.

Снова мать, тесть, теща и жена захлопотали, поставили на ноги всех друзей, имевших вес и влияние. Король и его министры стали осаждаться неутомимыми просителями. После отказа они являлись снова. Настойчивость достигла цели, и после шестинедельного заключения маркиз был возвращен в лоно своей семьи.

В публичном доме Марселя
Конфекты со шпанскими мушками

На свободе и в заключении этот любитель запрещенных ощущений был одинаково всем в тягость.

После нескольких месяцев изгнания в замке де ла Коста ему предписали ехать в армию. Его бывшие товарищи, осведомленные об образе жизни, который он вел во время отпусков, встретили его далеко не радушно. Употребили все средства, ставили все препятствия, чтобы лишить его возможности продолжать службу, которую он бесчестил.

В конце июля или в начале августа 1770 года он только что возвратился из отпуска в Камниен, где стоял его гарнизон, и представился по начальству, чтобы вступить в отправление своих служебных обязанностей… Начальство, поддержанное, очевидно, всеми офицерами, воспрепятствовало этому…

Он пожаловался полковнику г. де Сен и письмом от 23 ноября получил полное удовлетворение.

Презираемый в полном смысле этого слова товарищами, маркиз де Сад, несмотря на свои скандальные истории, пользовался симпатиями могущественных покровителей. Им он обязан производством 13 марта 1771 года в полковники, хотя и без содержания, но с причислением к кавалерийскому корпусу.

В следующем году новая проделанная им гнусность опять обратила на него внимание.

Вот что сообщают об этом «Секретные мемуары»: «Нам пишут из Марселя, что маркиз де Сад, наделавший столько шуму в 1768 г. по поводу безумных зверств, проделанных им над девушкой, под предлогом опытов с лекарством, только что устроил здесь зрелище, с одной стороны, довольно забавное, но имевшее ужасные последствия.

Он дал бал, на который пригласил много гостей, а на десерт были поданы шоколадные конфекты, такие вкусные, что все приглашенные ели их с удовольствием.

Их было большое количество и хватило всем, но оказалось, что это — засахаренные и облитые шоколадом шпанские мушки.

Известно свойство этого снадобья.

Действие его было так сильно, что все те, кто ел эти конфекты, воспылали бесстыдной страстью и стали предаваться с яростью всевозможным любовным излишествам.

Бал превратился в одно из непристойных сборищ времен Римской империи: самые строгие женщины не были в состоянии

преодолеть страсть, которая их обуяла.

По имеющимся данным, маркиз де Сад овладел своей свояченицей при помощи этого ужасного возбудительного средства и бежал, чтобы избавиться от грозившего наказания.

Бал закончился трагически. Все залы являли собой сплошное ложе разврата. И эта „афинекая ночь“ продолжалась, к немалому удовольствию де Сада, до самого утра, когда изнеможенные страстью гости заснули на коврах в самых смелых позах.

Много лиц умерло от излишеств, к которым их побудила яростная похотливость; другие до сих пор совершенно больны».

Скандальная история имела место в Марселе 21 июня; последствия были совсем не так ужасны. Следует заметить, что в этом веке не останавливались ни перед какими формами разврата, и для пресыщенных любовными наслаждениями «конфекты Афродиты» были обычным и распространенным средством.

Они служили, смотря по надобности, для укрепления сил любовника, желавшего всецело удовлетворить требовательную любовницу, или же зажечь в холодных женщинах огонь страсти, тем более сильный, что он был искусственный.

В публичных домах как Парижа, так и Марселя, где маркиз де Сад предавался чересчур часто своим эротическим фантазиям, конфекты со шпанскими мушками играли доминирующую роль.

«Английский шпион» рассказывает с большими подробностями о посещении иностранцем сераля де ла Гордон.

Президент де ла Турнель служил ему любезным и опытным проводником.

Проводив посетителя в комнату, где были собраны все возбуждающие средства, употребляющиеся в эту эпоху, он вынул из маленького шкафчика коробочку, в которой были разноцветные лепешки.

— Достаточно, — сказал он, — съесть одну, чтобы почувствовать себя другим человеком.

На коробочке была надпись: «Конфекты а ля Ришелье»… Этот сановник часто прибегал к конфектам, не для себя, но чтобы расположить к себе женщин, на которых он имел виды, но боялся с их стороны сопротивления. Заставив их съесть этих конфект, он овладевал ими без хлопот; они имеют свойство возбуждать самых добродетельных и делать их страстными до сумасшествия в течение нескольких часов.

Вернемся к маркизу де Саду.

21 июня 1772 года он уехал из замка де ла Коста, где жил с женой и тремя детьми, и отправился в Марсель.

Его сопровождал лакей-наперсник, достойный своего

господина. Неразлучный с ним, маркиз, окончив свои дела, отправился провести вечер в публичном доме.

«Пансионерки» притона видели в посетителе прибыльного, серьезного гостя и высыпали к нему навстречу.

В светлых, прозрачных костюмах они были похожи на нимф, во нимф марсельских — несколько тяжеловесных и жирных.

Они стали занимать гостя, улыбаться, строить ему глазки.

Они наперебой старались быть любезными, как умели, чтобы обратить на себя внимание знатного господина и побудить его сделать между ними выбор.

Почтенная «хозяйка», распоряжавшаяся их судьбой, поощряла столь выгодное ей старание «пансионерок» благосклонным взглядом.

В зале с выцветшими обоями и полустертой позолотой, с картинами на стенах, сюжетами которых было голое женское тело в вызывающих и скабрезных позах, сидел маркиз де Сад, самодовольный и пресыщенный.

По его приказанию были поданы вино и ликеры, и в то время, когда женщины чокались и пили, он небрежно вынул из кармана коробочку с анисовыми копфектами и стал ими угощать красавиц.

Эффект, на который он рассчитывал и для которого он явился, не заставил себя долго ждать, но проявился с такой силой, которая превзошла даже его ожидания.

Бедные «жрицы продажных наслаждений», слишком привыкшие к «любви», чтобы она могла вызвать в них волнение, крайне удивились, ощутив давно исчезнувший пыл в крови.

Под двойным влиянием дорогих вин и «страшного» снадобья зал переполнился вакханками, требовавшими объятий бесстыдными жестами и дикими криками.

Одни, у которых жажда сладострастия подействовала на нервы, помутила разум, заливались горючими слезами. Другие демонически хохотали, а некоторые катались по полу и рычали, как собаки.

Произошла отвратительная оргия, не поддающаяся описанию.

Из дома, охваченного безумием, слышались дикие крики, продолжительные вопли, как бы вой затравленных зверей.

Прохожие в ужасе останавливались.

В щели неплотно прикрытых ставен сквозь густые занавески видны были мелькающие тени.

Раздавались взрывы безумного хохота, рыдания и шум борьбы.

Сбежался народ с соседних улиц.

Пришедшие ранее, сами ничего не зная, разъясняли другим.

Что происходило в этом доме, полном ужаса?

Без сомнения, нечто страшное.

Это было общее мнение, но никто не смел войти.

И среди этой вакханалии маркиз де Сад чувствовал себя в прекрасном настроении духа.

Он смеялся до упаду и впоследствии рассказывал об этом событии с особым удовольствием.

Мало-помалу воцарилась тишина. Ранним утром маркиз де Сад, с осунувшимся лицом, беспорядочно одетый, появился на крыльце, поддерживаемый своим лакеем; толпа расступилась перед ним и пропустила его.

На другой день в Марселе разнеслась молва, что какие-то вооруженные негодяи ворвались в публичный дом, силой заставили несчастных женщин съесть отравленные конфекты, что одна из этих женщин в горячечном припадке выбросилась в окно и сильно разбилась, две другие умерли или умирают.

Истина была, конечно, менее драматична…

Однако три дня спустя после отъезда из Марселя (30 июня) перед судом этого города маркизу было предъявлено обвинение в отравлении.

Обвинение в таком тяжелом преступлении, лишенное всякой правдоподобности, было возведено лицом, не заслуживающим ни малейшего доверия: хозяйкой проституток, сообщницей их беспутства.

Она заявила, что у одной из женщин уже несколько дней продолжается тошнота со рвотой и что она заболела после того, как съела довольно много конфект, предложенных ей посетившим ее иностранцем.

Королевский прокурор предписал сделать осмотр и опрос свидетелей на месте.

Другая женщина той же профессии показала, что мужчина, которого ей назвали маркизом де Садом, пристал к ней и предложил ей и ее подругам анисовые лепешки.

Одна не пожелала их есть и бросила на пол, а отведавшие почувствовали себя дурно.

Королевский прокурор приказал произвести обыск и отыскать анисовые лепешки.

Две из них были найдены — они случайно сохранились после уборки, которую, по словам жалобщицы, произвели в тот же день.

Судья вызвал экспертов, поручив им определить свойства этих находок и исследовать содержимое рвоты, собранной в герметически закупоренный стеклянный сосуд, опечатанный судебной печатью (1 июля).

Были приняты, таким образом, все возможные меры для

установления истины.

Два аптекаря-химика после самого тщательного исследования, применив все способы, требуемые наукой, удостоверили отсутствие в конфектах мышьяка и других ядовитых веществ.

Казалось бы, не осталось ни малейших намеков на преступление, судебное преследование потеряло почву. Нет, несмотря ни на что, оно продолжалось.

Во время следствия другая женщина, из числа находящихся в публичном доме, обвинила маркиза де Сада и его лакея в противоестественном преступлении, жертвой которого была не она.

Это новое обвинение, согласно закону, не могло вызвать судебного следствия без предварительной жалобы потерпевшей, но королевский прокурор не принял этого во внимание.

Марсельский суд присудил маркиза к тяжелому наказанию, признав его виновным в двух преступлениях.

Приговор был вынесен в отсутствие подсудимого. Его даже ни разу не допросили.

Высшая судебная инстанция с необычайной быстротой утвердила приговор.

На другой день после возмутительного приключения в публичном доме в Марселе, взволновавшем весь Прованс, маркиз де Сад счел за лучшее скрыться.

Его жена, всепрощающая, преданная до героизма, сообщала беглецу о ходе процесса.

Но «важные причины» заставили маркиза де Сада покинуть убежище, где он скрывался.

Он решился на это, мало исправленный своими злоключениями, единственно для того, чтобы удовлетворить свою безумную страсть, которая была целью всей его жизни.

Возмущенный преследованиями, заставлявшими его скрываться, он задумал отомстить судейским крючкотворам, совершив преступление, быть может, более возмутительное, чем все предшествовавшие.

Маркиз не смирился с мыслью, что его свояченица, Луиза де Монтрель, ускользает из его сластолюбивых объятий. Имя Луиза фигурирует у него во многих пьесах «в качестве идеального образа любимой женщины»; героинь с этим именем он наделял всеми добродетелями и высшими качествами.

Его похотливое или, вернее, психически ненормальное воображение всегда ему рисовало в обворожительных красках блаженство обладания этой красивой и чистой девушкой.

Теперь к блаженству обладания прибавился еще соблазн

громкой бравадой проявить свое презрение и к общественному мнению, и к судьям.

Луиза де Монтрель жила одна с несколькими слугами в Соманском замке, так как ее старшая сестра была в Париже, занятая великодушными и неутомимыми хлопотами за своего мужа.

Образ жизни Луизы в имении был самый патриархальный. Замок был окружен садами и лесами, его украшали ручеек и маленькое живописное озеро — словом, в течение восьми месяцев в году этот уголок можно было назвать земным раем.

Луиза де Монтрель вставала рано, интересовалась хозяйством, как добрая провансалька, читала роман под тенью любимого дуба и все-таки изредка вспоминала о клятвах и обещаниях своего маркиза, с которым уже давно прервала всякую корреспонденцию. В последнее время под влиянием скуки она перечитывала его страстные письма и мысленно переживала испытанные ею жгучие поцелуи.

В жаркий июльский день на границах Прованса появилась обыкновенная почтовая повозка на высоких колесах. Закат солнца ярко освещал характерные черты лица с красивым профилем.

Луиза уже легла в постель, когда услыхала осторожные шаги по коридору, ведущему в ее комнату.

Испуганная, она вскочила с кровати.

Дверь отворилось, на пороге появился муж ее сестры.

Она не сразу узнала его, несмотря на то, что часто во время отсутствия его образ восставал в ее воображении и в сердце, которое не переставало принадлежать ему.

Он упал к ее ногам.

Сначала горе и угрызение совести, казалось, не позволяли ему произнести ни слова — он молчал, простирая к ней свои дрожащие руки.

Затем он заговорил со слезами в голосе.

Приготовившись заранее, он передал ей с деланным пафосом, не без эффектных фраз свое приключение в Марселе.

Перед молодой девушкой, которая содрогалась — было ли это от отвращения или от любви? — он исповедовался в мельчайших подробностях своей скандальной жизни.

Он обвинял себя во всем, он раскаивался и заявлял, что никого так не презирает, как самого себя. По счастью, день возмездия настал!

Через несколько дней его постигнет жестокое наказание, но он считает его слишком легким.

Один он не задумался бы подчиниться ему, так как заслужил его, но может ли он решиться обесчестить свою фамилию — с

ним вместе взойдут на эшафот пять доблестных славных веков — и отдать палачу голову маркиза де Сада?!

Нет, он сумеет избегнуть бесчестья, сам исполнит над собой приговор, который заслужил.

При жизни он был в тягость всем своим близким, когда он умрет, о нем, быть может, поплачут.

Луиза де Монтрель, взволнованная, с глазами, полными слез, молча слушала его.

Она слушала также и свое сердце, которое защищало виновного.

Конечно, он совершал ошибки, даже преступления, но делал это из-за нее, чтобы отомстить за насильственную разлуку с ней.

Каждое из его преступлений — доказательство его любви, думала Луиза.

Она одна имеет право, даже обязанность ему простить их. И она любит его больше, чем когда-нибудь.

Она любит его за кроткую и печальную исповедь перед нею, за опасности, которым он подвергался, и за те плотские желания, которые он разбудил в ней своими рассказами.

Зачем он говорит о смерти?

— Надо бежать, бежать без промедления, — наконец произнесла она дрожащим голосом.

— Да! — воскликнул он, как бы опьяненный. — Бежать, но вместе, так как жизнь без вас для меня невозможна. Я застрелюсь, если вы меня покинете. Спасите меня!

Она пробовала сопротивляться, но так как любила, то была побеждена.

Он увел ее, дрожащую, потрясенную волнением, страхом, в спальню.

Все его намерения осуществились… Маркиз, осыпая Луизу поцелуями, одел ее. Она сопротивлялась лишь для самооправдания, не более…

У дверей замка их ожидала почтовая карета. Подхватив стройную женщину, маркиз усадил ее в карету и велел трогать.

Сильные лошади увезли любовников. «Похищенная» была почти без чувств[Поль Лекруа прибавляет следующие подробности. Бедная девушка сидела молча в глубине кареты; темнота ночи, озаряемая лишь несколькими факелами, скрывала краску стыда на ее лице.

— Прощайте, господа, — весело сказал маркиз свидетелям похищения. — Следуйте моему примеру в покаянии: я устрою себе пустыню в Италии и буду поклоняться высшему богу — любви.

В Миоланском замке

Любовники бежали в Италию.

В течение нескольких месяцев, останавливаясь в небольших городах, они объехали Пьемонт.

Маркиз де Сад достиг полноты своих желаний и счастья, которое ему доставило обладание чистой девушкой.

Луиза де Монтрель старалась волнением страсти и бродячей жизнью заглушить угрызения своей совести. Она не достигла этого.

Она не переставала думать беспрестанно о своей матери, пораженной ее бегством, о своей доверчивой сестре, в отношении которой она сделалась предательницей.

Среди удовольствий на каждом шагу, в стране, где прелесть видов и яркая синева неба — все говорит о любви, она не могла изгнать из воспоминаний прошлого, и горечь его отравляла лучшие часы увлечения.

Каприз пли, быть может, бессознательное желание приблизиться к Франции привели любовников в ноябре в Шамоери.

Они поселились сначала в гостинице «Золотое яблоко», а затем, чтобы избежать любопытства местных жителей, в сельском домике в окрестности.

Они редко выходили из дому.

Маркиз де Сад, без сомнения, был предупрежден, что сардинская полиция с некоторого времени напала на его след и будет довольно трудно скрыться от нее.

В первых числах декабря маркиз де Сад был арестован плац-майором Шамбери.

Луиза де Монтрель получила приказ вернуться во Францию, [2] а маркиз отправлен в замок Миолан.

Для любителя живописных мест — но маркиз де Сад, вероятно, не был им: в его время любоваться природой было не в моде — Миоланский замок представлял в 1772 году особую прелесть.

Замок был построен в долине Изера, между Монмельяном и Койфланом, на уступе горы.

С этого горного уступа, как бы предназначенного природой сторожить всю страну, виднелись зеленые леса, лента полей и виноградников, окаймленная серебряным поясом реки Изер, а далее на горизонте возвышалась та часть Альп, которая отделяет Мориену от Дофине.

Маркиз де Сад был заключен 8 декабря 1772 года.

На другой же день комендант замка г. де Лонай предложил ему подписать следующее обязательство:

«Я обещаю и даю честное слово, что, арестованный сего числа в замке Миолан, буду исполнять все приказания, которые мне будут отданы господином комендантом, и ничем не нарушу его запрещений, не сделаю никаких покушений к побегу, не выйду из сторожевой башни замка и не позволю делать этого моему слуге, разве буду иметь на это особое разрешение, в чем и подписуюсь. Миолан, 9 декабря 1772 г. Маркиз де Сад».

Во время его прогулок караульный солдат не должен был выпускать его из виду, когда же он входил в башню, тот же караульный обязан был следовать за ним и запирать дверь на ключ. На ночь его помещение тоже запиралось.

Родственники маркиза, его жена, теща (последнюю нисколько не трогало его заключение, да она, как кажется, его и устроила) жаловались, что к нему относятся с недостаточным вниманием, и послали к графу де ла Мрамора, сардинскому посланнику в Париже, для передачи графу де ла Тур, генерал-губернатору Савойского герцогства, памятную записку, из которой мы приведем самые интересные места:

«Семейство маркиза и маркизы де Сад, узнав о задержании маркиза де Сада в Миоланской крепости, умоляет его превосходительство графа де ла Тур, чтобы этому дворянину оказывали должное внимание и чтобы ему было доставлено по возможности все, что может пожелать человек его происхождения в том положении, в каком он находится, конечно, не в ущерб его здоровью и не для облегчения побега, если бы он на него покусился.

Желательно было бы также, чтобы его настоящее имя не было никому известно, кроме его превосходительства графа де ла Тур. Несчастное дело, обстоятельства которого были сильно преувеличены, наделало шуму и породило досадные предубеждения, сгладить которые может только время. Это и заставляет желать, чтобы место его убежища не было известно и чтобы он значился в крепости под именем графа де Мазан…»

На эту памятную записку генерал-губернатор Савойского герцогства ответил запиской, в которой, в пределах полученных им инструкций, обещает удовлетворить желание влиятельной фамилии.

Комендант отвел узнику помещение вполне удобное в это время года и вместе с тем вполне гарантирующее невозможность побега. Обойщик из Шамбери доставил кровати, матрацы, столовое и постельное белье, столы, стулья и другие необходимые вещи.

Лакей маркиза тоже находился в башне и не имел права из нее выходить; солдатам было строго запрещено исполнять какие-либо поручения для барина и для лакея без согласия коменданта, который не позволял заключенному ни получать, ни отсылать ни одного письма, которые бы он раньше не прочел…

Маркиза де Сад удалилась в монастырь кармелиток в предместье Св. Якова.

Оттуда она писала письмо за письмом с ходатайством в пользу заключенного.

Она узнала, что 8 января он заболел, страдая почти беспрерывными бессонницами, и что к нему был призван врач.

21 января она жалуется коменданту замка, что необходимые льготы для больного — кстати сказать, вероятно, он был мнимым больным — не были ему предоставлены, и грозит сообщить об этом французскому посланнику в Сардинии.

В то время, как жена старалась защитить его, маркиз де Сад вел в Миолане жизнь хотя и лишенную некоторых удобств, но далеко не скучную.

С первого момента своего заключения он только и думал о том, как бы освободиться, пусть и без согласия своих тюремщиков.

«Я испытывал и изучил этого господина, — писал г. де Лонай графу де ла Тур 5 февраля 1773 года, — и не нашел в нем ничего серьезного — все его мысли направлены на возможность бегства; кроме предложений, которые он мне делал, он распорядился разменять все пьемонтские деньги на французские и справляется, есть ли мост на Изере, подальше от Франции, — так что я не могу отвечать за узника, который пользуется свободой в крепости и может каждую минуту очутиться за ее стенами вопреки всем моим предосторожностям».

В ожидании возвращения свободы маркиз де Сад старался разнообразить свое заключение игрой в карты и чаще проигрывал, нежели выигрывал, что, естественно, его раздражало.

Маркиз де Сад, поняв, что дерзость и упреки ни к чему не приведут, решил с некоторого времени усыпить бдительность своих тюремщиков. Как ни тяжело было ему его заключение, он старался показать, что считает его заслуженным наказанием.

Он выражал, при всяком удобном и даже неудобном случае, свое раскаяние. Еще недавно такой гордый и заносчивый, он сделался вежливым и тихим.

Комендант с удовольствием удостоверил эту перемену, которую он приписывал своему влиянию. Он сообщал 1 апреля графу де ла Тур:

«Маркиз де Сад выказывает мне день ото дня все больше и

больше доверия… С печальным терпением он переносит свое заключение… Он проявляет сильное раскаяние, и я полагаю, что это послужит ему на пользу более, чем долгие годы заключения, которое вместо того, чтобы изменить его поведение, может его только озлобить…»

Несколько дней спустя, 9 апреля, он сообщил, что его узник не получал никаких «важных известий» и что его здоровье оставляет желать лучшего.

В письме от 16 августа он восхваляет экономию и покорность маркиза: «Продовольствие его и лакея и все для них необходимое обходится в пять ливров и двенадцать су в день, исключая белье, одежду и покупки в Шамбери. Я думаю, что это немного».

Маркиз де Сад между тем получал в это время «важные известия»,[3] но он, конечно, не сообщил их коменданту замка.

Он разыгрывал комедию отчаяния, когда на самом деле был полон надежд. По его указаниям подготовлялся побег, который имел все шансы на успех.

Исполнение плана не замедлилось. Г-жа де Сад приехала в Дофине. Она собрала там пятнадцать хорошо ополченных и решительных людей.

В ночь с 1 на 2 мая эти люди расположились невдалеке от замка и ожидали условленного сигнала.

Им нечего было бояться сопротивления маленького гарнизона. Большинство солдат, с поручиком Дюкло во главе, были подкуплены.

В эту ночь они не должны были ничего видеть и ничего слышать. Быть может, один только комендант замка не был посвящен в тайну.

Маркиз, предуведомленный заранее, спокойно вышел, без шуму направился к маленькому отряду, который его ожидал, сел на коня и ускакал…

Когда на другой день г. де Лонай делал свой обычный обход замка, его узник был уже далеко; но, чтобы «смягчить горечь разлуки», он оставил ему два прощальных письма, в которых выражал в самых изысканно-любезных выражениях свою благодарность.

Письмо маркиза де Сада, одно из самых душевных, которое он написал за всю свою жизнь, заслуживает быть приведенным в выдержках.

Это последний акт занимательной комедии.

«Милостивый Государь! Единственное, что омрачает мне радость свободы, — это сознание, что Вы будете отвечать за мое бегство. Ваше честное и любезное отношение ко мне мешает мне скрыть от Вас эту смущающую меня мысль. Если мое

удостоверение может иметь какое-либо значение в глазах Вашего начальства, я даю мое честное слово, что Вы не только не способствовали моему побегу, но Ваша бдительность отдалила его на долгое время, и он явился всецело делом моих рук».

Объяснив далее весь задуманный и осуществленный план бегства с помощью его жены, маркиз де Сад заключил свое письмо следующими строками:

«Мне остается только поблагодарить Вас за Вашу доброту, я буду признателен Вам за нее всю жизнь; я желал бы иметь случай доказать Вам это. Придет день — я убежден в этом, — когда я буду в состоянии на деле засвидетельствовать Вам чувство моего к Вам расположения, с которым я остаюсь Вашим преданным слугой. Маркиз де Сад. Миолан. Пятница, 30 апреля».

Письмо узника г. де Лонай представил по начальству с оправдательной запиской, которая, однако, влияния не оказала.

Он потерял место, и комендантом замка Миолан был назначен кавалер де ла Бальм.

Маркиз де Сад уехал в Италию, куда вскоре приехала к нему жена.

Тот, кто не знал его, мог бы подумать, что он почувствовал к ней признательность за преданность, которую она столь многим ему доказала. Но, разумеется, такая мысль была бы грубой ошибкой.

«Пансионеры» г. де Ружемона

Если маркиза де Сад надеялась возвратить себе мужа, то ее иллюзии в этом смысле должны были рассеяться.

Вернувшись во Францию, после непродолжительного пребывания в Италии, и поселившись в замке де ла Коста, он снова, с тем же цинизмом, стал вести жизнь развратника.

Несчастная жена, горячо его любившая, в горьком разочарования снова удалилась в монастырь кармелиток на улице Ада.

Легкомысленному маркизу была не по душе провинциальная жизнь, он часто ездил в Париж.

В одну из этих поездок, по тайному повелению, он был арестован у своей любовницы и препровожден в Венсен.

В это же время его родные с неутомимой энергией хлопотали о пересмотре процесса об отравлении.

Усилия и хлопоты увенчались успехом, и хотя по закону пересмотр был невозможен за пропуском срока, но 27 мая 1778 года король повелел допустить этот пересмотр.

Обвинение в отравлении было отвергнуто, и маркиз был обвинен лишь в крайнем разврате.

Дело окончилось выговором в присутствии суда, запрещением въезда в Марсель в течение трех лет с уплатой штрафа в пятьдесят франков в пользу бедных заключенных.

Такова была развязка этого процесса, до сих пор окруженного непроницаемой тайной.

Де Саду предложено было вести более порядочную жизнь, и, чтобы помочь ему в этом, его оставили в заключении менее удобном, чем миоланское.

Когда он попал в Венсенскую тюрьму, начальником ее был г. де Ружемон, который сменил г. Гюйоне и заставил пожалеть о последнем.

«Отверстый ад, — писал Латион в своих „Воспоминаниях“, — послал нам на место г. Гюйоне г. Ружемона, сплошь сотканного из пороков и действительно достойного быть слугой наших палачей».

Г. де Ружемон был сыном маркиза д'Уаза, отца герцога де Бранка, и г-жи Гатт. Решением суда он был объявлен незаконным сыном.

Это не испортило ему карьеры.

Он, как уверяет Мирабо, дорого заплатил за свое место начальника Венсенского замка Сабаттини, любовнице де ла Врильер, и, понятно, старался, как расчетливый человек,

наверстать свои убытки, экономя на расходах заключенных.

Венсен сделался вследствие этого самым неприятным местом заключения.

Доставление в тюрьму обыкновенно совершалось по ночам, чтобы не возбудить внимания. Водворенный в камеру заключенный находил кровать, два соломенных или деревянных стула, кружку, почти всегда сломанную, засаленный, грязный стол.

Перед помещением в камеру заключенного обыскивали. У него отбирали все, что было драгоценного: деньги, золотые вещи и т, п., и все, что могло служить для самоубийства. Не позволялось производить ни малейшего шума. «Это дом тишины», — говорил комендант.

В первые дни заключения, «пробные дни», решался режим, которому должен быть подчинен узник.

Одним, осужденным более строго, отказывали в бумаге и книгах.

Тем, кому они были разрешены, выдавалось по шести листов, помеченных начальником; книги выдавались по одной, и каждая тщательно перелистывалась и осматривалась предварительно.

Более других протежируемые узники могли прогуливаться час в день в маленьком садике под наблюдением помощника тюремщика, которому было приказано не говорить с ними ни слова.

Раз в месяц начальник посещал некоторых заключенных. Он терпеливо выслушивал их заявления и почти всегда оставлял без внимания.

В Венсене, как и в Бастилии, продовольствие заключенных давало простор для всякого рода злоупотреблений.

На каждом узнике г. Ружемон наживал столько, сколько было возможно. Ни один трактирщик Парижа не получал без всякого риска столько барышей.

Говорили, что он кормил заключенных только потому, что смерть их ему невыгодна; кислое вино, тухлая говядина, гнилые овощи и по четвергам пироги, почти всегда недопеченные.

Так как наказание карцером сопровождалось лишением порции, начальник, из экономии, при малейшем поводе отправлял заключенных в карцер.

Маркиз де Сад не обладал ни хорошим характером, ни философским складом ума де Фрерона, который, посаженный в Венсен 23 января 1746 года, пил каждое утро за завтраком бутылку хорошего вина, доставляемого из соседнего кабачка, и это-то вино, по его уверению, позволяло ему незаметно заканчивать день.

Как только он сделался «пансионером» г. де Ружемона, он начал жаловаться…

Жена постоянно его ободряла, быть может, с целью придать себе самой больше бодрости. Она думала только о нем. Ее письма были переполнены изъявлениями преданности и любви.

Чтобы иметь возможность переписываться более свободно, они в своих письмах, которые тщательно пересматривались комендантом замка, между строк писали другие строки лимонным соком.

Строки эти были невидимы до тех нор, пока бумагу не подогревали.

В этих письмах она сообщала ему все его интересующее и, столько же хорошая хозяйка, как и нежная мать, заботилась о его белье и платье.

То и дело посылалось этому требовательному узнику, всем недовольному, платье, белье, ликеры, варенья, которые, как кажется, он очень любил.

Он отвечал жене еще грубее прежнего. Он не любил ее, и все, что бы ни делала эта терпеливо любящая женщина с целью понравиться ему, казалось ему отвратительным. Выходило всегда так, что как бы ни поступила маркиза де Сад, все оказывалось и неловким, и излишним. С трогательным постоянством ее сердце, полное любви, принадлежало человеку, разбитому жизнью, развратнику, который не мог оценить этого сердца.

Привязать к себе маркиза де Сада, пожалуй, могла бы любовница, умная, ловкая, потворствующая его порокам, сдерживающая их в известной мере, но не его жена — женщина слишком простая, послушная, нежная, созданная для законного брака. Разве только страсть могла, казалось, привести его к ней.

Президентша де Монтрель удивлялась дочери, негодовала на нее, не понимала ее чувств.

Маркиз, зная, что имеет в теще врага, то и дело осуждал свою жену за излишнее послушание матери и за следование ее советам.

На эти упреки г-жа де Сад отвечает ему в письме от 11 ноября 1779 года:

«Ты воображаешь, что я хорошо отношусь к ней и следую ее советам. Ты ошибаешься, и ты увидишь тому доказательства, как только освободишься. Если я совсем не порвала с ней отношений, то исключительно для тебя, чтобы помирить тебя с ней и заставить ее убедиться, что она не права по отношению к тебе».

В этом же письме она дает своему мужу понять свои намерения.

«Я виделась с г. де Нуар и буду ему надоедать до тех пор,

пока не будет исполнено все то, что ты желаешь. Относительно прогулок он сказал мне, что в настоящее время, ввиду обилия заключенных, нельзя их разрешить тебе чаще четырех раз в неделю. Перевести тебя в твою прежнюю комнату — тоже невозможно, так как она занята.

Будь покоен, мой милый, относительно моего присутствия в Париже. Я не уеду из него никуда, даже в Валери, раз это тебе неприятно. Я обещала эту экскурсию твоим детям, но отложу ее до тех пор, когда у нас будет возможность отправиться вместе с тобой».

В заключении маркиз не переставал оставаться главой семьи, недостойным, но почитаемым. Он принимал это как должное и не был за это признателен. Он постоянно жаловался и, казалось, искал случая для жалоб.

Его жена, вследствие нелепой жизни своего мужа, которую он вел почти двадцать лет, находясь то под судом, то в заключении, вследствие отсутствия надзора и хозяйского глаза над имениями, вверенными ленивым, неспособным и алчным слугам, была в очень затруднительном материальном положении. Он пользовался этим, чтобы упрекать ее в небрежности и даже в недобросовестности.

Ее горячая и преданная любовь становится ему, видимо, день ото дня все более и более ненавистной. Он делает бесстыдные отметки на ее письмах. Приведем пример, который характеризует этого человека.

«Разве ты недоволен, — спрашивала маркиза 9 сентября 1779 года, — тем, что я тебе прислала? Разве ты не желал ничего в течение этих двух недель? Твое молчание меня убивает… Всевозможные мысли лезут мне в голову…»

— «А мне в другое место…» — прибавляет он цинично.

На другом письме, где она с осторожностью и нежностью упрекает его в том, что он долго оставляет ее без известий, он, раздраженный, делает к этой просьбе приписку, которая рисует его вполне:

«Вот наглая ложь! Надо быть явным чудовищем, бессовестной потаскушкой, чтобы придумать такую бесстыдную клевету».

Некоторое время спустя она ему сообщает, что очень полнеет и до смерти боится уподобиться «толстой свинье». Бедная женщина думала, что эта шутка его рассмешит. Она вызвала только грубую отметку: «Трудно будет ее поворачивать моему заместителю». «Толстой…

— что она хочет сказать этими словами, не то ли, что она беременна?» — отмечает он в другом письме.

Преданность маркизы мужу, однако, не уменьшалась. Она

ведет его почти безнадежное дело. Она заботится, чтобы дети не забыли его. Она убедила их, что его надо тем более любить, что он несчастен.

И действительно, они его любят и уважают. Ежегодно они шлют ему свои почтительные поздравления и пожелания.

Все окружавшие маркизу (кроме отца и матери) старались всячески усладить неволю «пансионера» г. Ружемона или считали долгом напомнить о себе своему господину.

Писем он получал множество, и нежных и шутливых, но, несмотря на все то, чем долее продолжалось его заключение, тем его характер делался раздражительнее и беспокойнее.

Г. де Ружемон — это подтверждают единогласно все — положительно мучил узников Венсена, и эти мучения были тем невыносимее, что слагались из незначительных мелочей, образуя в общем тяжелый гнет.

Этот слащавый человек был, кажется, полон самых лучших намерений. Он не жалел красивых слов. Его единственное желание — уверял он — было сделать заключение порученным ему узникам менее тяжким.

И он искренне удивлялся тому, что его усилий не ценят и не выражают ему признательности.

В действительности же он увеличивал строгость правил, требуя их исполнения.

Более трусливый, нежели злой, он проявлял ту тонкую и мелочную власть, которая характерна для посредственных умов.

В ненависти, которую он внушал, преобладали раздражительность и презрение.

Среди его узников никто не ненавидел его так, как маркиз де Сад, потому что никто не был, в принципе, таким врагом всяких правил.

Представитель высшего провансальского дворянства, близкий ко всем славным родам Франции, находил бессмысленным и невыносимым, чтобы какой-то незаконный выродок, прикрывший «грязь своего происхождения» вымышленным именем, смел ему приказывать.

Его раздражение, поддерживаемое ежедневными притеснениями, постоянными столкновениями, не щадило никого. С коменданта оно переносилось на простых тюремщиков и даже на товарищей по заключению.

Мирабо был одним из тех, с кем маркиз имел столкновение. 28 июля 1780 года тот писал г. Буше, первому полицейскому советнику, который был и оставался его покровителем:

«Г, де Сад привел вчера в смятение всю башню и сделал мне честь, позволив себе, без всякого с моей стороны повода — вы,

надеюсь, поверите мне — наговорить бесчисленное множество самых резких дерзостей. По его словам, я любимец г. Ружемона. Все это вследствие того, что мне разрешили прогулку, которую запретили ему; наконец, он спросил у меня мое имя, чтобы, по его словам, обрезать мне уши, когда он будет на свободе. Терпение мое лопнуло, и я сказал ему: „Мое имя — имя честного человека, который никогда не резал и не отравлял женщин, я напишу его вам тростью на спине, если вы не будете казнены раньше“. Он замолчал и не раскрыл больше рта. Если вы меня будете за это бранить — браните, но он способен вывести из себя. Очень печально жить в доме вместе с таким чудовищем».

Заключенные в Венсене проводили большую часть своего времени в чтении и письме. Маркиз де Сад делал то же самое, собственно, в последние годы своего пребывания в этой тюрьме, когда надежда на скорое освобождение стала его оставлять.

Его жена 12 декабря 1780 года обещала ему прислать объявление о сочинениях Вольтера, как только оно появится.

22 января 1781 года она ему послала «Притворное вероломство» Барта и посвящение к пьесе, которую маркиз только что окончил.[4]

Книгопродавец Мериго был его поставщиком книг, но поставщиком упрямым, считавшим, что его любезностью слишком злоупотребляют.

Камера маркиза в Венсене была положительно целой библиотекой, настолько же своеобразной, как и его ум.

Тут были и легкие романы, и театральные пьесы, трагедии, комедии, описания и путешествия, трактаты о нравственности, историко-философские труды… А так как маркиз считал себя жертвой монархической власти, то он более всего интересовался правовыми и гуманитарными науками. Он хотел переделать законы и нравы — нравы других, так как переделать свои, видимо, считал задачей слишком трудной.

Он начинал открывать некоторые добродетели в народе, который был так же притеснен, как и он, и на который он сам недавно смотрел с презрением.

«Либерализм» зарождался мало-помалу в его душе, переполненной ненавистью к его преследователям за несправедливое лишение свободы.

Чтение было для маркиза главным развлечением в Венсене, хотя он себе и создал другое времяпрепровождение — любовный роман, роман в письмах, начавшийся в 1778 году и длившийся три года, до 1781 года, когда оживленная с обеих сторон, то чувствительная, то нежная, то шуточная, переписка прекратилась.

Платонический роман
Маркиз де Сад и девица де Руссе

Женщинам необходимы наперсницы.

Они доставляют им два удовольствия: первое — случай много говорить, а второе, быть может, такое же большое — спрашивать у них советов и не следовать им, исключая те случаи, когда советы были дурны.

Г-жа де Сад, не находя никакой отрады в своей семье, больше чем всякая другая женщина стремилась иметь около себя подругу, внимательную и сочувствующую, подругу, которая любила бы ее, с которой можно было бы поговорить обо всем.

Такую подругу, преданную, терпеливую, желающую ее утешить и быть полезной, ей посчастливилось встретить в лице девицы де Руссе.

Та жила в Провансе, в окрестностях замка де ла Коста. Не первой молодости, быть может, даже не второй, она, впрочем, довольно хорошо сохранилась. Она иногда утверждала, мы увидим это в одном из се писем, что она дурна собой, но сама в душе, конечно, этому не верила. Таким вещам женщины никогда сами не верят. Несколько перезрелая, но еще привлекательная, она обладала увлекающимся и пылким характером, который увеличивает красоту и придает ей больше блеска.

Несмотря на то, что она была старой девой, в ней не было ни романтизма, ни сентиментальности.

Она выезжала в свет, не сторонилась жизни, а любила удовольствия при условии, чтобы они не увлекали ее далее ее желаний. Она гордилась тем, что не имеет предрассудков, то есть таких предрассудков, которые не мешают оставаться честной женщиной.

Она не сторонилась несколько пикантных анекдотов, не уклонялась от несколько настойчивых ухаживаний.

Незнакомая с наслаждениями, негой страсти, де Руссе остановилась на игре в кокетство, с которого начала в раннем возрасте. Она находила, что имеет право на это, но не злоупотребляла этим правом.

Г-жа де Руссе была женщиной своего времени, когда неприступность бесчестила женщину почти так же, как и порок, когда свет требовал широты ума, независимости характера и когда сама добродетель, чтобы не показаться странной, должна была быть веселой, любезной, даже чувствительной.

Маркиз де Сад, в одно из своих пребываний в замке де ла

Коста, познакомился с этой деревенской соседкой. От безделья или из вежливости он слегка стал за ней ухаживать.

Она не придала этому большого значения. Ухаживание не имело никаких последствий; их, впрочем, и не ожидали, но под покрывалом искусственной любви родилась истинная дружба.

Маркиз имел репутацию негодяя. Эта репутация делала его симпатичным в глазах всех женщин. Им хотелось убедиться, насколько их прелести подействуют на него. Они скорее не простили бы ему равнодушия. Кроме того, они не знали всего. Они с любопытством хотели изведать, ознакомиться с подробностями хотя бы частичного проявления низменного эротизма.

Г-жа де Руссе не была к нему очень строга. Она продолжала видеться с маркизом, который, в промежутках своих любовных похождений, рыцарски поклонялся ее увядающей красоте. Ей льстило это поклонение, и она далеко не была уверена, что сама не любит его.

В 1778 году, когда де Сад был заключен в Венсенскую тюрьму, она сделалась близкой подругой и сочувствующей наперсницей несчастной женщины, которая беспрерывно оплакивала живого супруга. Эта печаль казалась ей естественной, но несколько преувеличенной.

Она откровенно говорила это маркизе. Она советовала ей ободриться и иметь побольше доверия к своим собственным силам, чтобы хлопотать с необходимой настойчивостью. Она справедливо думала и высказывала при всяком удобном случае, что отчаяние ослабляет усилие и может повредить успеху. У нее была сильная, бодрая душа, способная вдохнуть в других анергию.

Г-жа де Руссе имела благотворное влияние на вечно жалующуюся и часто падающую духом маркизу де Сад. Она советовала и помогала ей без устали. В Париже, отчасти по обязанности, а отчасти по влечению — если судить о женщинах того времени по их современницам — она сопровождала ее в лавки и магазины, к портным, шляпникам, бельевщикам, книгопродавцам, сапожникам и к другим поставщикам, где они вместе выбирали все то, что с мелочной настойчивостью требовал господин и хозяин, находившийся в Венсене. Она взялась вести переписку с управляющим замком де ла Коста и другими имениями г. Гофриди, которого маркиз считал вором и который, быть может, и был вором, так как всегда можно предположить, что управляющий — вор, если противное не доказано.

Самой трудной задачей г-жи де Руссе было служить связующим звеном между женщиной, которая очень сильно

любила своего мужа, и мужем, который совсем не любил своей жены.

Она советовала первой — быть равнодушнее и благоразумнее, а второму — воздержаться от грубостей и насмешек.

С начала зимы 1778 года она усердно переписывалась с маркизом. Все ее письма были переполнены хорошими советами о спокойствии и терпении.

Не питая в узнике пылких иллюзий, как это делала маркиза де Сад, она пыталась поддерживать надежду в заключенном, которому все более и более было в тягость его заключение; но вместе с тем она предлагала ему не безумствовать, уметь ждать.

Отважная амазонка мобилизовала часть семейства, не заинтересованную в заключении маркиза. Одна президентша де Монтрель — ее муж предпочитал держаться злорадного нейтралитета — отказывала в своем содействии.

Дабы обезоружить тещу, необходимо было, чтобы маркиз выразил ей добрые чувства, но именно на это он был совершенно не способен.

Г-жа де Руссе принялась думать и придумала.

Ей пришла мысль, которая с первого взгляда покажется странной, но которая сама по себе трогательна, — мысль, делающая честь как ее сердцу, так и ее изобретательности. Но и доброе начинание не имело, к несчастью, того успеха, на который она рассчитывала.

Маркизу де Сад была послана колбаса, не представлявшая по своему внешнему виду ничего подозрительного, но в ней заключался черновик письма, написанный г-жой де Руссе; он должен был его переписать, чтобы доказать свои благие намерения.

Она подделалась под его слог и диктовала ему сознание в вине и раскаяние.

Де Сад послушно переписал это письмо, оно было процензуровано начальством, послано и получено г-жой де Руссе.

«Что делает моя жена? Скажите мне правду! Правда ли, что она изменилась? Я не могу допустить мысль, чтобы желали смерти нам обоим. А между тем как относятся ко мне? Какая цель моего заключения? Отвечайте серьезно.

Шутка прекрасна, когда не страдают, но для разбитого сердца, подобно моему, нужна более серьезная пища; поверьте мне, что несчастия совершенно переродили меня. Юность — время промахов, и я слишком строго наказан за них. Не вы ли говорили, что дурное можно всегда исправить. Я помню все советы благоразумия, которые вы мне подавали. Но неужели же

лишать меня свободы и, быть может, даже рассудка — исправление?

Пусть выпустят меня, и мои дети благословят своего отца; мы будем все довольны, я уверяю вас.

Нет ли каких-нибудь политических причин для моего задержания в этом скорбном месте? Но ведь тогда это просто фантазия. Удовлетворение получено, если оно было необходимо. Выгоды моего семейства требуют, чтобы я сам занялся своими делами, которые запущены, вы это знаете лучше других. Я хочу свободы, чтобы употребить ее на пользу моей жене и детям. Убедите их вашими простыми, но красноречивыми словами…

Я хотел быть счастливым, сделать счастливыми всех, кто меня окружает; я начал только что работу в этом смысле, как ее разрушили».

С этим письмом, в котором маркиз рисовался таким подавленным, кающимся, непохожим на себя, г-жа де Руссе носилась повсюду, но прежде всего она прочла его г-же де Монтрель.

К несчастью, президентша уже давно раскусила своего зятя и знала, как относиться к его обещаниям. Она решила, что он неисправим. Угрызения его совести она не ставила ни во что. Она настаивала на том, чтобы он остался в тюрьме. Там только, по ее мнению, он был безопасен.

С прежним рвением и горячностью г-жа Руссе снова начала переписку с маркизом. Она продолжала защищать г-жу де Сад, поведение которой он находил вызывающим и которую стал ревновать.

«Женщины вообще чистосердечны, — писала она 11 января 1779 года. — Это не то, что вы, мужчины. Один только маркиз де Сад не желает, чтобы жена его сказала ему: „Я — второе ты“. А между тем, как это прекрасно и нежно; если бы у меня был любовник или муж, я бы хотела, чтобы он говорил мне это сто раз в день.

Так как я заметила, что вы ревнивы, то да избавит вас небо чувствовать ко мне хоть малейший каприз. Я отправлю вас ко всем чертям. Вы ничем не рискуете, не правда ли, и вы довольны! Но я вам советую быть осторожным; дурнушки хитрее хорошеньких. Вы меня всегда видели ворчливой проповедницей нравственности, женщиной без улыбки, но картина, может быть, изменится, и вы увидите нежное лицо, не лишенное приятности, и то „поди сюда“, которое бессознательно увлекает мужчин, — и вы попадетесь в мои сети».

«С любовью не шутят, — говорил Мюссе. — Это игра, в которой женщина чаще, чем мужчина, кончает тем, что отдается».

Г-жа де Руссе испытала это. Не помышляя ничего дурного, не давая себе отчета в своих чувствах, она призывала маленького крылатого бога, и он явился.

Сердечная и горячая переписка с женщиной, которая могла считаться хорошенькой, хотя она и была немолода, заинтересовывала все более и более пылкого маркиза де Сада. В ней он черпал жизненную силу и хорошее расположение духа. С каждым днем росла интимность, и это не могло не волновать его. Вынужденное уединение оставляло ему много досуга для того, что психологи называют «сентиментальной жвачкой». Он часто мечтал об этой преданной подруге, иногда немного ворчливой, но весело и умно ворчливой. Он сравнивал ее со своей женой и, конечно, отдавал де Руссе предпочтение. Он был, впрочем, из тех, кто предпочитает всех женщин своей жене.

Из-за стен тюрьмы, где у него не было большого выбора, г-жа де Руссе казалась ему очень привлекательной. Эта возрождающаяся любовь, в состав которой входили в разных дозах благодарность и безделье, занимала и увлекала его. Это был своего рода горчичник — отвлекающее средство.

Ловкому соблазнителю представился случай проявить свой талант, хотя бы в переписке, лишь бы не закиснуть в тюремной камере. Он к тому же, сам не веря себе, увлекся и почувствовал, что в этой шутке стало принимать участие и само сердце.

В мужской природе есть много загадочного. Бывает, что лучшие из мужчин поддаются порывам грубого чувства, а у худших есть уголок в сердце, где скрывается нежная чувствительность. Так часто вдруг из сухой и каменистой почвы забьет живой источник.

Маркиз де Сад с удивлением ощутил в своем сердце свежее и чистое чувство любви и стал выражать его, по обычаю того времени, стихами. Стихи были плохи, но те, которые наводняли такие издания, как «Меркурий Франции» или «Альманах муз», были не лучше. В то время всякий любовник стремился быть поэтом — рифмы давали большую свободу для выражения чувств.

Мало-помалу переписка в стихах и прозе приняла довольно пикантное направление. Г-жа де Руссе старалась казаться неприступной. На откровенные признания, сперва сдержанные, затем настойчивые, она отвечала шутками. Она не придавала серьезного значения внезапной страсти, вспыхнувшей в сердце маркиза, но если даже эта страсть была искренна, она считала себя способной противостоять ей, забывая, что часто гордое сознание силы — признак слабости.

«Кто кого покорит? — пишет она 18 января 1779 года. — Не льстите себя надеждой на этот счет. Женщины, которых вы знали,

ценили в вас ваши чувства и ваши деньги: это не пройдет со „святой Руссе“. Каким же образом вы ее возьмете? Вы будете играть на нежных чувствах, на утонченной предупредительности, — но, увы, это все мне знакомо. Послушайте меня, откажитесь лучше от состязания, пока не поздно. Я уже рисую себе Тантала на берегу; вы не утолите жажды, ручаюсь вам за это. Какой срам для мужчины, который привык побеждать!»

Подобные письма подливали лишь масла в огонь. Г-жа де Руссе не понимала этого. Она начала, несмотря на свою хваленую твердость, сдаваться.

Она находила большое удовольствие, не догадываясь об опасности, в тех эротических подробностях, которые стали преобладать в их письмах.

Начались маленькие подарки.

Маркиз, финансы которого были более чем скромны, послал ей зубную щетку.

«Этот подарок, — писала ему г-жа де Руссе, — для меня дороже подарка в пятьдесят луидоров. Вы им положительно взволновали меня. Могла ли я вообразить, что зубная щетка может произвести такое впечатление».

Конечно, в данном случае благодарность не соответствовала незначительности подарка, но дорог не подарок, а дорога любовь.

Другое ее письмо заканчивается еще более откровенно:

«Я принимаю ваш поцелуй, или, лучше сказать, я сохраняю его, чтобы возвратить его вам».

«Святая Руссе» стала окончательно сходить с высоты неба.

Чтобы придать переписке интимность, они ведут ее часто на более нежном провансальском наречии.

«Я не могу предложить вам стать моим любовником. Любовник — на расстоянии! Видите ли, если бы у меня был любовник, я желала бы иметь его всегда около себя, он должен заполонить всю мою душу, я любовалась бы им и целовала бы его тысячу раз в день, и все это было бы для меня недостаточно. Это только отзвук того, что происходит во мне, я не хочу говорить всего…»

«Но вы далеко от меня, и я не могу на вас сетовать…»

Каждое письмо доказывало усиливающуюся страсть г-жи де Руссе.

Все ее благоразумные решения растаяли, как снег под лучами солнца. Она оказалась просто слабой, влюбленной женщиной.

Кто мог бы узнать энергичную, здравомыслящую женщину в письме от 24 апреля 1779 года.

«Я не посмела написать „Милостивый Государь“ в начале

моего последнего письма, так как ты этого не хочешь… Но пойми, я пишу „Милостивый Государь“ не для тебя, а для других. Мне же просто-напросто хотелось бы сказать: „Мой милый де Сад, радость души моей, я умираю от желания тебя видеть…“ Когда мне удастся сесть к тебе на колени, своими руками обвить твою шею, покрыть тебя поцелуями столько раз, сколько захочу, и шептать тебе на ухо о моей любви, так что если бы ты был глух, биение моего сердца рядом с твоим — объяснило бы тебе все? Прощай, моя прелесть, сокровище моего сердца, целую тебя так, как ты любишь».

Даже очень глупые женщины бывают очень догадливы, когда дело касается их любви. Г-жа де Сад, которой г-жа де Руссе перестала показывать получаемые и отправляемые ею письма, тотчас сообразила, что переписка сделалась интимной. Одно из писем, неизвестно каким образом, попало в ее руки, и она послала его к мужу с надписью на обороте: «Не-дурны эти показания, которые делает тебе „святая“! Меня это возмущает, а ты что думаешь о ее святости? Не намеревается ли она столкнуть меня с дороги? Но, мои милые, не на такую напали, я сумею защититься и приму все меры, чтобы ваши отношения остались в рамке моей воли…»

Открытие любовной интриги охладило, конечно, дружбу г-жи де Руссе и маркизы де Сад, но последняя вскоре простила своей подруге, простила тем легче, что ее муж был в довольно неудобных условиях, чтобы обмануть свою жену.

Руководясь той же мыслью, г-жа де Руссе решила вернуться к роли советницы маркиза, тем более что иную, более приятную для нее роль исполнять было трудно.

Страсть исчезла из ее писем, в них стала сквозить, как и вначале, только откровенная дружба практичной женщины, которая тщательно занимается в достаточной мере запутанными делами маркиза.

Она пишет ему в мае 1779 года совершенно деловое письмо о положении его имений.

Маркиз де Сад не без сожаления увидел, что г-жа де Руссе к нему переменилась. Его гордость страдала от этого более, чем его сердце. Он жаловался на это внезапное равнодушие и придавал этим упрекам такую нетактичную, грубую форму, что оскорбленная женщина в середине 1779 года прекратила переписку с ним.

Она снова возобновилась в марте 1781 года; вначале со стороны г-жи де Руссе письма были несколько раздражительны, но затем превратились в совершенно спокойные сообщения о положении замка де ла Коста и разных местных злобах дня.

Переписка тянулась до 1782 года…

В течение двух лет маркиз вымещал на своей жене удары по его самолюбию. Он не любил, но ревновал до безумия. Он писал ей письма, полные незаслуженных оскорблений…

Чтобы обезоружить его мнительность, она, вместо того чтобы жить у одной из своих подруг, г-жи де Вилльет, или же у себя в доме, на улице Рынка, удалилась в монастырь Св. Женевьевы, на Новой улице, и писала, что устроилась очень хорошо.

«Монастырь строгих правил: другие женщины не были бы этим довольны, но я не боюсь этой строгости; она меня не беспокоит, все будут знать, что я делаю».

Самые гнусные, несправедливые обвинения не прекращались, и де Сад, наконец, дошел до того, что бил несчастную женщину, когда она приходила для свидания с ним.

Несколько раз присутствовавшие при этих свиданиях спасали ее от тяжелых ранений; наконец, в это дело вмешались власти.

Начальник полиции г. де Нуаре решился запретить свидания, чем привел в отчаяние эту удивительную женщину, готовую на все жертвы.

Несмотря на ее хлопоты и просьбы, запрещение не было отменено.

Никакие ходатайства не могли сломить волю начальника полиции: 29 февраля 1784 года маркиз де Сад был переведен из Венсена в Бастилию.

Маркиз де Сад в Бастилии

29 февраля 1784 года, в семь часов вечера, полицейский инспектор Сюрбуа по приказу короля, сообщенному 31 января, препроводил в Бастилию маркиза де Сада.

После обычных формальностей заключенный был помещен в камере второго этажа башни Свободы.

3 марта г. де Нуаре пишет коменданту:

«Маркиз де Бово, а также маркиз де Сад, переведенные из Венсенской тюрьмы в Бастилию, пользовались прежде, время от времени, прогулками. Я нахожу возможным разрешить им эти прогулки при соблюдении обычных предосторожностей».

Допрос, которому подверглись эти заключенные, произошел 5 марта, а 16-го г-жа де Сад в первый раз пришла на свидание со своим мужем.

Майор де Лом записал в книгу, что она принесла ему шесть фунтов свечей.

Разрешение на свидания давало ей право на них два раза в неделю.

С самого начала пребывания маркиза де Сада в Бастилии строгость правил была для него несколько смягчена — очевидно, по ходатайству его семейства.

Так, 14 апреля г. де Лонай нашел возможным разрешить ему воспользоваться за завтраком и обедом ножом, который он должен был, однако, каждый раз по миновании в нем надобности возвращать тюремщику.

Эти послабления, которых он так мало заслуживал и которые ему оказывали неохотно, не уменьшали его угрюмого настроения.

Он пользовался всяким случаем причинить неприятности родным, которых он считал ответственными за его продолжительное заключение.

Когда нотариус Жирар прибыл к нему по поручению семейств де Монтрель и де Сад и просил его подписать доверенность, он отказался наотрез.

У него было одно желание — вредить: его ум был всегда направлен к подозрению в постыдных поступках и даже предательствах людей, которые его самоотверженно любили.

Ничто не обескураживало г-жу де Сад. Аккуратно два раза в месяц, продолжая упорно питать надежды, приходила она на свидания со своим мужем, и ни грубый прием с его стороны, ни несправедливые подозрения не уменьшали ее нежности и не выводили ее из терпения.

Она являлась каждый раз с бельем и различными вещами,

которые для него покупала и которыми он никогда не был доволен.

21 мая 1784 года она принесла две простыни, девятнадцать тетрадей, бутылку чернил, шоколадные плитки; 7 июня — шесть петушиных перьев и двадцать одну линованную тетрадь.

Заключение маркиза стоило дорого его семье, гораздо дороже, чем он стоил.

В журнале майора де Лоная есть запись от 24 сентября 1785 года о получении 350 ливров от президента де Монтрель за содержание маркиза де Сада в течение месяца начиная с 10 октября.

Маркиз жаловался вечно и на все.

В его бумагах, относящихся ко времени заключения, сохранилась, между прочим, дощечка, которую он, вероятно, вывешивал на двери своей камеры.

«Господам офицерам главного штаба Бастилии. Г. де Сад заявляет офицерам главного штаба, что комендант заставляет его пить поддельное вино, от которого он ежедневно чувствует себя дурно. Он полагает, что намерения короля не таковы, чтобы позволить коменданту вредить в целях наживы г. Лонаю или его слугам здоровью тех, кого он должен охранять и кормить.

Вследствие этого он просит гг. офицеров, честность и беспристрастие которых ему известны, походатайствовать о том, чтобы справедливость восторжествовала».

Не думаем, чтобы офицеры ходатайствовали, но 20 января 1787 года комендант поручил написать г-же де Сад и просить ее прислать мужу то самое вино, которое она сама обыкновенно пьет. Уплатить за него, конечно, пришлось ей.

Свои досуги в Бастилии маркиз часто употреблял на смакование напитков.

Одна заметка, найденная в его бумагах, знакомит нас с его мнением о продуктах современного ему виноделия:

«Водки г. Жиле.

Байонская водка — хороша.

Барбадская водка по-английски — скверная.

Турецкая — отвратительная.

Анжеликская Богемская водка — никуда не годится.

Масло Венеры — так себе».

Как и в Венсене, маркиз получал много книг.

По распоряжению начальника полиции от 29 августа 1786 года ему переданы были брошюры, принесенные его женой, а 17 марта 1788 года — пакет с книгами.

Несколько месяцев спустя, 30 октября 1788 года, начальник полиции писал к г. де Лонаю.

«Г-жа де Сад просит разрешить ее мужу читать газеты и журналы. Я не вижу препятствий доставить ему это удовольствие, а потому и прошу Вас сделать в этом смысле распоряжение».

Возбудив в маркизе де Саде любовь к чтению, тюремное заключение породило в нем и призвание к литературе.

Читая произведения других, он открыл в себе фантазию и стиль. Он писал, чтобы рассеяться, прогнать скуку, обосновать свою злобу теориями анархистов, а также с целью отмщения.

Почти все, что он написал, было написано в Бастилии, начиная с его романов «Жюстина», «Жюльетта», впоследствии переделанных и бывших злобой дня во время революции.

Большинство его драматических произведений относятся к тому же времени.

С 1784-го по 1790 год он написал массу произведений.[5]

Не все, к счастью, было напечатано.

У него было два рода работ: одни, которые он охотно показывал, были только скучны и не представляли ничего нескромного, и другие, которые он тщательно скрывал и на которые возлагал наибольшие надежды.

В 1787 году маркиз послал рукопись одного из своих произведений «Генриетта и Сен-Клэр» своей жене; она, конечно, была более способна преувеличенно расхваливать, чем подать полезный совет, но ему это и было нужно.

Счастливая этим знаком доверия, она тотчас же отвечала ему:

«Я прочла „Генриетту“… Я нахожу ее глубокой и способной произвести огромное впечатление на тех, у кого есть душа. Она не взволнует малодушных, которые не в состоянии понять положение героев. Она совершенно не похожа на „Отца семейства“ (комедия в 5 действиях, игранная во Французском театре в 1761 году) и не может быть сочтена заимствованной. В общем, в ней много очень хорошего. Вот мой взгляд после беглого прочтения. Я перечитаю ее не один раз, потому что я до безумия люблю все, что исходит от тебя, хотя слишком люблю, чтобы судить строго».

Он написал другую пьесу, о которой мы еще будем иметь случай говорить, пьесу патриотическую — «Жанна Ленэ, или Осада Бовэ» и решил прочитать ее офицерам…

Заставить своих тюремщиков прослушать трагедию было со стороны заключенного, надо согласиться, своеобразным мщением.

Непривычная для него работа постепенно отразилась на его глазах — его часто пользовал окулист Гранжен, но не мешала ему день ото дня все более и более тяготиться заключением в Бастилии.

Он считал за это ответственной свою жену.

Он был так груб с нею, что свидания были запрещены.

Заключение в конце концов повлияло на мозг маркиза де Сада.

Постоянное возбуждение, в котором он находился, вело его к сумасшествию.

Началось это еще в Венсене и продолжалось в Бастилии: он стал со страстью маньяка предаваться мистическим вычислениям и комбинациям.

Он читал, так сказать, по складам, все письма, которые ему присылали, и в количестве слов и слогов искал — и думал, что находит, — тайну своего будущего, надежду и указание на свое освобождение.

Каждое такое письмо носило отметки, сделанные его тонким и острым почерком, отметки непонятные, но относившиеся к освобождению, которое стало его «пунктиком».

Так, под заключительной фразой письма его сына от 20 декабря 1778 года: «Позвольте, милый папа, моей няне засвидетельствовать вам свое почтение», — он написал, после того как счел число слогов: «22 слога и есть 22 недели до 30 мая».

30 мая 1779 года его должны были, по его мнению, освободить.

Он ждал, продолжая вычислять.

Время между тем шло.

Собрание Генеральных штатов нанесло первый удар старому режиму, пробудило энтузиазм, воскресило озлобление.

Вокруг Бастилии, окруженной пятивековой ненавистью, загорелось восстание.

Из газет и журналов, от нескромно болтливых тюремщиков узникам было известно все, что происходит.

Ожидание несомненной свободы в недалеком будущем делало их неспособными сдерживаться в эти последние часы их заключения.

Они сгорали от нетерпения и вышли из повиновения тюремщикам.

Это возбуждение зашло так далеко, приняло такие размеры, что г. де Лонай счел своим долгом запретить заключенным прогулки по площадкам, откуда они могли своими криками и жестикуляцией волновать народ.

Ни один из заключенных, не особенно многочисленных в 1789 году, не был так возмущен принятой мерой, как маркиз де Сад.

Как только было сделано это распоряжение, он выскочил из своей камеры и пытался — впрочем, тщетно — отстранить

караульных, которые охраняли вход на башни.

Его увели в камеру только после того, как приставили заряженные ружья к груди.

Несколько дней спустя, 2 июля, взбешенный отказом, полученным снова от коменданта, он вздумал воспользоваться жестяной трубой, которую ему дали для выливания в ров из камеры жидких отбросов.

Вооружившись этим инструментом, он начал кричать в окно своей камеры, которое выходило на улицу Св. Антония, что узников Бастилии режут и надо освободить их.

Собралась толпа, привлеченная этим диким криком, и г. де Лонай, хорошо понимая, как были возбуждены умы, серьезно обеспокоился…

…Победители Бастилии были крайне удивлены, найдя там так мало узников.

Народ, который любит чувствовать себя растроганным, предполагал, что в этих казематах заперто множество людей, закованных в железные цепи, осужденных на ужасные мучения.

Что этих предполагаемых жертв оказалось ничтожное число — оскорбило и расстроило. Девять обывателей округа Св. Людовика на Иле, во главе которых был некто г. Ламар, решили выяснить дело.

Они явились в комитет округа и высказали свои сомнения.

Они были почти уверены, что несчастные остались заключенными в Бастилии в забытых казематах, которые известны только тюремщикам. С каким нетерпением, с какой смертельной тоской ждут они, вероятно, своего освобождения! Необходимо спешить, не теряя ни минуты, иначе они умрут с голоду и отчаяния…

Так говорила делегация из девяти граждан, приведенных Ламаром.

Комитет послал одного из своих членов вместе с несколькими чиновниками округа осмотреть все камеры и казематы.

Не нашли ничего.

Для большей уверенности они потребовали четырех тюремщиков Бастилии: Трекура, Лоссинота, Гюйона и Фанфара, которые и явились 17 июля в 11 часов утра.

Допрошенные отдельно, они, поклявшись говорить правду, дали точные разъяснения относительно башен, камер, казематов и узников, которые были в них заключены.

Лоссинот, которого допрашивали о двух башнях, где он был сторожем, ответил, между прочим, что последний из заключенных в башне Свободы был маркиз де Сад, недели три

назад переведенный в дом братьев милосердия Шарантон, что после его перевода были наложены комиссаром Шеноном печати на дверь его камеры для сохранения различных вещей, которые были там оставлены.

В то время, когда косвенно упоминалось о маркизе де Саде, он находился в Шарантоне, где ему и было, собственно говоря, настоящее место.

Невзирая на обширные помещения, большой сад и прекрасный вид, удостоверенный всеми путеводителями по Парижу, маркиз де Сад не оценил достоинств своей новой резиденции, в которой и режим и дисциплина были гораздо легче, нежели в Бастилии.

Маркиз де Сад на первых порах казался довольным своим пребыванием в этом доме сумасшедших, быть может, потому, что надеялся пробыть здесь недолго.

Он приказал украсить свою комнату и сохранил в ней множество вышитого платья, отделанного галунами, и даже характерные костюмы, которые привез с собой из Венсена.

Властный и гордый, он царил в кружке своих поклонников, немного более сумасшедших, нежели он сам, и играл роль непризнанного «великого» человека.

Г-жа де Сад продолжала хлопотать об освобождении своего мужа, но относилась к нему с недоверием. Быть может, в глубине души она сознавала, что лучше было бы не иметь успеха.

Она начала понимать, наконец, действительный характер своего мужа. У нее, кстати сказать, было достаточно времени для этого.

Месяц спустя, 16 сентября, в Шарантон прибыла комиссия под председательством президента парламента Луи де Пелетье де Розамбо, который потребовал список заключенных и документы.

Протоколы о заключенных составлены были в алфавитном порядке. Вот протокол о де Саде.

«Маркиз де Сад, сорока восьми лет, прибыл 4 июля по приказу короля, подписанному накануне. Препровожден в упомянутый день из Бастилии за дурное поведение. Семейство платит за его содержание».

Это посещение Шарантона, как и других мест заключения почти одновременно, имело целью убедиться в произвольных арестах, которые общественное мнение приписывало старому режиму.

13 марта 1790 года, после горячих прений, Конституционное собрание утвердило проект декрета о приказах об арестах, представленный г. де Кастеляном, первый пункт которого гласит:

«В течение шести недель после опубликования настоящего

декрета все лица, заключенные в замках, домах милосердия, тюрьмах, полицейских частях и других местах заключения по приказам об аресте или по распоряжению исполнительной власти, если они законно не присуждены к взятию под стражу или же на них не было подано жалобы по обвинению в преступлении, влекущем за собой телесное наказание, а также заключенные по причине сумасшествия, — будут отпущены на свободу».

Де Сад получил 17 марта известие об этом декрете, открывавшем ему двери его тюрьмы, а на другой день его сыновья, которых он не видел с 1773 года, явились в Шарантон сказать ему, что освобождение близко.

Они не сообщили об этом посещении своей матери, но президентша Монтрель побудила их к нему; она, впрочем, сильно беспокоилась о последствиях этой меры для своего зятя. «Я желаю ему, — сказала она, — быть счастливым; но я сомневаюсь, что он сумеет быть счастливым».

Каково бы ни было мнение о душевных качествах маркиза, все же можно предположить, что он не без волнения встретился со своими сыновьями.

Он пригласил их обедать и в течение двух часов гулял с ними в саду Шарантона.

23 марта они снова были у него и принесли ему декрет Конституционного собрания.

Шесть дней спустя, 29 марта, он был освобожден.

Одно из первых его посещений было в монастырь Св. Ора. Жена отказалась принять его.

Она навсегда излечилась наконец от страсти к этому негодяю, который так долго третировал ее и мучил.

Она хотела жить вдали от него и забыть его.

Презрение убило любовь.

Эта душа, наконец умиротворенная, освобожденная от своих иллюзий и слабостей, нашла убежище у Бога.

Решением суда в Шателэ 9 июля 1790 года было установлено между супругами «разделение стола и ложа».

Каждый отныне пошел своей дорогой.

Маркиз взял себе в любовницы президентшу де Флерье.

Г-жа де Сад, светская монахиня, все более и более отдавалась делам милосердия.

Она искупала грехи мужа, у которого их было много Свои последние годы она прожила в замке д'Эшофур и умерла там 7 июля 1810 года.

Гражданин Сад
Писатель
«Жюстина, или Несчастия добродетели»

Как средство исправить характер и воспитать нравственное чувство тюремное заключение, надо признаться, оставляет желать многого.

В часы заключения, то есть в часы сосредоточения и размышления, на которые обрекают судьи осужденных, последние редко предаются осознанию своих преступлений и раскаянию в них.

Оправдывая себя, они осуждают общество. Покаравший их закон они никогда не находят справедливым.

На совершенное ими, единственно вследствие их грубых инстинктов, они смотрят, как на незаслуженное несчастие; на право каждого человека жить даже на чужой счет — как на естественное проявление страсти и свободу от предрассудков.

Между своими пороками и добродетелями честных людей они, ослепленные гордостью, не видят разницы.

Отсюда неизбежно, что человек, выброшенный обществом из своей среды и с глухим озлоблением несущий тяжесть общественного осуждения, делается бунтовщиком — преданным, горячим, фанатическим сообщником тех, кто с иными целями возбуждают толпу, непримиримым врагом военных, чиновников, духовенства, всего, что олицетворяет собой дисциплину, закон, правила и долг.

В таком именно состоянии духа был маркиз де Сад, когда Шарантон распахнул перед ним свои двери.

Из этой тюрьмы, далеко не строгой, скажем более, почти комфортабельной, вышел раздраженный и ожесточенный вольнодумец, полный ненависти и злобы революционер, анархист.

Его злоба нашла свой исход в новых теориях, которые он приводил в своем философском романе «Алина и Валькур», написанном им в Бастилии и, вероятно, обработанном позднее.

Старый режим покарал его (кстати сказать, сравнительно мягко), и он объявил себя врагом старого режима, которому он и его семейство были обязаны столькими милостями.

Он восторженно приветствовал зарю революции, как приветствовал во время террора кровавые сумерки.

«О Франция! — восклицал он в период переполнявшего его душу энтузиазма. — Наступит день, когда ты прозреешь, я убежден в этом: энергия твоих граждан скоро разобьет скипетры деспотизма и тирании, повергнув к твоим ногам злодеев; ты осознаешь, что свободный по природе и по праву гения народ должен сам управлять собой».

Литературный незаконный сын Руссо, скучный Рейналь, сочинение которого «Философская и политическая история двух Индий» имело успех, был его главным учителем.

«О Рейналь! — говорил он. — Твой век и твое отечество тебя не стоили».

Единственно потому, что Людовик XV и Людовик XVI, довольно добродушные монархи, подписывали приказы о его аресте, на что имели достаточно основания, маркиз де Сад, сделавшись республиканцем, поносил всех королей без разбора.

Особенно строго судил он Людовика Святого, о котором писал: «Этот король жестокий и глупый… этот сумасшедший фанатик не удовольствовался тем, что создал нелепые и невыполнимые законы; он бросил заботы о своем государстве, чтобы покорить турок ценой крови своих подданных; его могилу, если бы она, по несчастию, была в нашей стране, следовало бы поспешить разрушить».

Антимонархист, как можно судить по этому отрывку (из «Алины и Валькура»), уживался в нем со свободомыслящим.

Враждебный христианству, или, вернее, всякой религии, так как он пострадал именно от тех мер, которые религия принимает против разнузданности нравов, он считал попов пособниками королей.

Эта теория была для него удобна, потворствуя его порокам, и ни в одном месте его философского романа это не выясняется так ярко, как в том, которое, видимо, навеяно сочинением «Опыт исследования нравов»: «Теократические строгости суть измышления аристократии, религия есть только орудие тирании; она ее поддерживает, дает ей силы. Первым долгом свободного или освобождающегося государства должно быть, несомненно, уничтожение религиозной узды. Изгнать королей, но не разрушить религиозный культ — это все равно что отрубить одну из голов гидры; убежище деспотизма — храмы; преследуемый в государстве удаляется туда и оттуда появляется вновь, чтобы заковать в цепи людей, если последние были так неблагоразумны, что не преследовали его там, разрушив его изменническое убежище и уничтожив злодеев, приютивших его».

В одном месте своей книги он, во имя свободы, требовал его полного уничтожения, что вскоре и предприняли последователи

культа Разума: «Французы, проникнитесь этой мыслью! Сознайте, что католическая религия, полная смешных странностей и нелепостей, — жестокая религия, которой ваши враги с таким искусством пользуются против нас; что она не может быть религией свободного народа: нет, никогда поклонникам распятого раба не достигнуть добродетелей Б рута».

Похвалы добродетелям Брута — довольно неожиданны под пером маркиза де Сада, хотя и не лишены политической соли.

С момента своего выхода из тюрьмы он всячески проявлял свою любовь к народу, к тому народу, который в 1790 году разрушил и сжег его замок де ла Коста.[6]

Он сделался революционером и в своих сочинениях, и в своих делах, вследствие своего темперамента и преследований.

Его жена навсегда оставила его. Его сыновья эмигрировали. Его дочь жила, укрывшись от света, в монастыре Св. Ора.

Почти лишенный средств, он в пятьдесят лет был принужден жить своим пером.

По счастью для него, в Венсене и Бастилии он имел время много написать, и его рукописи, по крайней мере, его романы были из тех, которые могли нравиться публике, и печатание их не встречало препятствий.

Его писательское хвастовство, его наглость помогали ему. Он считал себя оригинальным мыслителем и замечательным писателем.

Самым незначительным своим фразам, самым посредственным выдумкам он придавал огромное значение. Он был не только эротоман, но и графоман тоже.

Наконец, он обратился к театру, который был и тогда, как теперь, в общем доходнее.

Библиофил Жакоб (часто очень смелый в своих предположениях) думает, что маркизу принадлежит одна из тех непристойных пьес, которые появились в 1789-м и 1793 годах и были направлены против Марии-Антуанетты, принцессы Ламбаль, г-жи де Полиньяк и проч., и которые ставились на подпольных сценах.

Это возможно, но мы не нашли этому доказательств и поэтому не можем утверждать этого.

Он дебютировал как драматург в 1791 году. В этом году ему было отказано в постановке на сцене Французского театра его пьесы «Жанна Ленэ, или Осада Бовэ»,[7] зато его пьеса «Окстьерн, или Последствия беспутства» была поставлена в театре Мольера.

Пьеса имела успех.

Маркиз де Сад изобразил в ней отчасти свою историю. Пьеса эта переделана им для сцены из одной из двенадцати его

исторических новелл, написанных в Бастилии, которые он имел право напечатать не ранее 1800 года.

«Монитор» в номере от 6 ноября 1791 года отметил, что «эта мрачная драма не лишена интереса и силы», но главное действующее лицо возмущает зрителя своей жестокостью. Автор рисует своего героя Окстьерна злодеем и даже чудовищем, но в глубине души все его симпатии на стороне героя.

Теории, которые он вкладывает в уста своего героя, — это его собственная теория безнравственности, вечные прославления преступления, выдаваемые им за признаки высокого ума.

Окстьерн — это, в сущности, тот же человек «маленького домика» в Аркюэле, взирающий с высокомерным презрением философа на бедняг — мелких жуликов, у которых еще сохранилась совесть как несчастный предрассудок «Эти глупцы, — презрительно говорит он, — люди без принципов: все, что выходит из рамок обыкновенного порока и мелкого мошенничества, их удивляет, угрызения совести их пугают».

Напыщенная философия и проповеднический тон этой пьесы способствовали ее успеху, длившемуся во все время революции «Окстьерн» не вполне был забыт даже через восемь лет после первого его представления.

Он был поставлен 13 декабря 1799 года на сцене Версальского театра под несколько измененным названием — «Несчастья беспутства» и имел успех.

У маркиза де Сада, как и у большинства драматургов (или, вернее, как у всех драматургов), было много принятых пьес, которые директоры театров хоронили на полках своих архивов и которые не были известны публике — нельзя было предсказать, как она их приняла бы.

Французский театр очень благосклонно принял в 1790 году его драму в 5 действиях в стихах «Мизантроп от любви, или Софья и Дефранк» и давал автору право входа в течение пяти лет, но пьесы, несмотря на принятое обязательство, не поставил.

Его одноактная комедия «Опасный человек, или Мздодавец», [8] принятая на сцену театра Фавар в 1791 году, была сыграна в 1792 году, зато «Школа ревнивцев, или Будуар», принятая тем же театром в 1791 году, не увидала совсем света рампы. По-видимому, и в те времена директора театров обещали много, но исполняли мало.

Со времени своего освобождения он был занят окончанием и пересмотром своего романа «Жюстина», революционизируя его общими местами о народовластии, выходками против королей и попов.

Об этом романе много говорили до его появления, о нем

сложились целые фантастические легенды. Уверяли, что Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст внимательно читали его, чтобы почерпнуть в нем уроки жестокости.

Говорили, что Наполеон предавал суду и безжалостно расстреливал тех офицеров и солдат, у которых оказывался этот ужасный роман. Все это нелепые выдумки.

Совершенно забытый писатель Шарль Вильер рассказывает в одном очень интересном письме, напечатанном в 1797 году в «Северном зрителе», что он решил прочесть целиком этот огромный роман и что никогда солдат, приговоренный к наказанию сквозь строй, не был так счастлив, когда наказание было окончено, как счастлив был он, дойдя до последней страницы.

Я лично испытал почти такое же впечатление. Нет ничего отвратительнее этой литературы, где на первом плане стоит эротизм, и к тому же эротизм маньяка, где порок проявляется во всей своей наготе и где любовь — только плотское влечение.

Я не зайду так далеко, чтобы рекомендовать подобные книги в школе, но я убежден, что такое изображение страстей должно внушить такой ужас и нестерпимую скуку, что способно оттолкнуть от себя всякую душу и направить ее к добродетели.

Если верить маркизу де Саду, такова и была его цель.

Два издания романа «Жюстина, или Несчастия добродетели» в двух томах появились почти в одно время в 1791 году «в Голландии, у союзного книгоиздательства»; это значит, я думаю, в Париже, у книгопродавца, который был главным издателем маркиза де Сада, Жируара.

Имени маркиза де Сада нет на заглавной странице; вместе с ложным издательским гербовым щитом, в котором значится «Вечность», на ней напечатан только следующий сентенциозный эпиграф:

«О мой друг! Благополучие, добытое преступлением, — это молния, обманчивый блеск которой на мгновение украшает природу, чтобы повергнуть в пучину смерти тех несчастных, которых она поражает».

Заглавная картинка, изящно нарисованная Шери, изображает молодую женщину в слезах между полуобнаженным юношей и старой женщиной отталкивающего вида. На заднем плане — деревья, качаемые ветром, и грозовое небо. Согласно объяснению самого де Сада, эта молодая девушка — Добродетель, которая страдает между Сладострастием и Неверием. Она возводит очи к Богу, как бы призывая Его в свидетели своего несчастья и произнося, по-видимому, подписанные под эмблематической группой стихи:

Как знать, быть может, если Небо нас карает,
Несчастий на нас нам к счастью посылает.

Объяснительной заметке о заглавной картинке предшествуют заявление издателя и следующее предисловие, напечатанное только в первых изданиях:

«Моему дорогому другу Да, Констанция,[9] тебе я посвящаю этот труд. Только тебе, которая служит образцом и украшением своего пола, соединяя в себе одновременно самую чувствительную душу с самым справедливым и просвещенным умом, — тебе одной понятны будут тихие слезы несчастной добродетели.

Я не боюсь, что в эти воспоминания введен по необходимости известный род людей, так как ты ненавидишь софизмы беспутства и неверия и борешься с ними беспрерывно и делом и словом; цинизм некоторых описаний, смягченных, насколько возможно, не испугает тебя: только порок, боясь быть раскрытым, поднимает скандал, когда о нем заговорят. Процесс против „Тартюфа“ был возбужден ханжами; процесс против „Жюстины“ будет делом развратников. Я их не боюсь; мне довольно твоего одобрения для моей славы, если только я понравлюсь тебе, я либо понравлюсь всему миру, либо утешусь и осужденный всеми.

План романа (хотя это отнюдь не вполне роман), несомненно, новый. Превосходство добродетели над пороком, торжество добра, покорение зла — вот полное содержание сочинений в этом роде.

Но вывести повсюду порок торжествующим, а добродетель — жертвой, показать несчастную, на которую обрушивается беда за бедой, игрушку негодяев, обреченную на потеху развратников; дерзнуть вывести положения самые необыкновенные, высказать мысли самые ужасные, прибегнуть к приемам самым резким — и все это с единственной целью дать высший нравственный урок человечеству — это значит идти к цели по новой, мало проторенной дороге.

Удалось ли мне это, Констанция?

Слеза из твоих глаз завершит ли мою победу?

Прочтя „Жюстину“, не скажешь ли ты: „О, как эти картины порока заставляют меня любить Добродетель! Как величественна она в слезах! Как украшают ее несчастья!“

О, Констанция! Если эти слова вырвутся у тебя — мои труды увенчаны».

Перейдем теперь к самой книге. Попытаемся разобрать ее с возможной точностью.

Две дочери парижского банкира, Жюстина и Жюльетта, первая двенадцати, а вторая восемнадцати лет, оказались после смерти их отца (мать они потеряли ранее) совершенно разоренными и предоставленными самим себе.

Монастырь, в котором они воспитывались, поспешил выгнать их с несколькими экю в кармане и узелком с одеждой.

Старшая, Жюльетта, быстро устроилась.

Она пошла к сводне и почувствовала себя очень хорошо в публичном доме, куда та ее поместила, и наконец вышла замуж за одного из «гостей», графа де Лорзанжа.

Убедившись, что он сделал в ее пользу завещание, она его стравливает, разоряет множество знатных людей и делается любовницей высшего сановника в государстве, г. де Корвиля, с которым уезжает в его имение.

Младшая, Жюстина, — прелестная девочка, судя по портрету, набросанному с легкостью кисти, для маркиза де Сада необычной:

«Наделенная нежностью и чувствительностью, в высшей степени качествами, противоположными качествам ее сестры, молодая девушка не была похожа на нее и физически: большие голубые глаза с невинным и кротким выражением, тонкая и гибкая фигурка, мелодичный голос, зубы точно из слоновой кости и прекрасные белокурые волосы — вот слабый набросок портрета молодой девушки, очаровательность которой не поддается описанию».

Жюстина посвятила себя добродетели — поприще довольно неблагодарное. Она ищет работу у портнихи и не находит. Усталая от длинной дороги, изнемогая от голода, она входит в церковь.

Священник, взбешенный тем, что она противится его ухаживаниям, выгоняет ее.

Двенадцать лет спустя Жюльетта, превратившись в г-жу де Лорзанж, живя помещицей, идет для развлечения встречать дилижанс, приходящий из Лиона и направляющийся в Париж. Из него выходит молодая девушка. Она осуждена за кражу, поджог и убийство в трактире, и ее препровождают в Париж, где ее ожидает суд. Г. де Корвиль ее расспрашивает.

Под именем Терезы, которое она приняла, неизвестно, собственно говоря, для чего, бедная Жюстина, доведенная до такого печального положения, рассказывает историю с того момента, когда она ушла от священника.

Трактирщик, которому она не могла заплатить по счету, послал ее к некоему Дюбургу, который принял ее хорошо, но просил, взамен денег и платы за квартиру, не быть очень строгой.

«В настоящее время не принято, — говорит этот „благодетель“, — помогать даром своим ближним; теперь уже известно, что дела милосердия суть только удовлетворение гордости. Но этого мало — требуется вознаграждение более реальное. Например, с таким ребенком, как вы, можно получить все удовольствие сладострастия».

Жюстина не убеждается этими доводами и уходит, не желая ничего слышать.

Закладчик дю Гарпэн берет ее в качестве служанки.

Она служит у него в течение двух лет, как вдруг он предлагает ей украсть у одного из жильцов их дома золотые часы.

Она отказывается, несмотря на его проповеди против права собственности, а он мстит ей, приказывая ее арестовать за кражу бриллианта в тысячу экю, который находят в ее вещах, куда он сам его положил.

Заключенная за преступление, которого она не совершала, Жюстина знакомится с другой заключенной, г-жой Дюбуа, которая очень спокойно сообщает ей, что она решила поджечь тюрьму и они могут убежать. Предприятие удалось. Двадцать один человек сгорели, а г-жа Дюбуа и ее подруга очутились на свободе.

Их ожидали разбойники, старые сообщники этой энергичной женщины, которые были посвящены в ее планы. Они проводили беглянок в лес Бонди.

Там эти четыре полупьяных негодяя делают несчастной Жюстине самые гнусные предложения и грозят, в случае сопротивления, зарезать ее и похоронить под деревом.

Было от чего поколебаться самой стойкой добродетели.

Молодая девушка уже готова была принести в жертву своей чести жизнь, когда, по счастью, произошла тревога, видимо, посланная Провидением.

Разбойники, заслышав шум шагов, ушли, но вскоре вернулись, убив трех человек. Четвертого, по имени Сен-Флоран, они привели с собой и готовились его расстрелять. Жюстина просит за него, и его милуют с условием, что он вступит в шайку.

Когда разбойники заснули, она делает ему знак, чтобы он взял свой чемодан, который они забыли спрятать, и бежал.

Она бежит вместе с ним.

Они входят в глубину леса, они уже вне опасности, и Сен-Флоран предлагает той, которая его спасла, свое сердце и состояние; но через несколько шагов, при повороте тропинки, он наносит ей сильный удар палкой по голове и в то время, когда она лежит без чувств, насилует ее и обворовывает, а затем спокойно уходит.

Бедной женщине, действительно, ни в чем не суждена удача. Все, кого она встречает на своем пути, отъявленные негодяи.

Едва придя в чувство, несчастная Жюстина увидала господина, графа де Брессака, и его лакея, которые вместе охотились.

Они услыхали шорох и бросились к ней, схватили ее за руки и за ноги и привязали к четырем ближайшим деревьям.

Она уже думала, что будет четвертована или, по крайней мере, зарезана, но граф де Брессак просто-напросто предложил ей поступить горничной к его тетке.

Наверное, ни одна горничная не получала приглашения на службу при такой обстановке.

Не без задней мысли, однако, поместил граф де Брессак Жюстину у своей тетки. Он хотел сделать ее орудием своих преступлений. Злоупотребляя любовью, которую она к нему питала, он предлагает несчастной отравить свою родственницу, от которой он ждет наследства, но которая не спешит умирать, и, чтобы убедить ее исполнить его просьбу, он держит перед ней речь:

— Слушай, Тереза (как припомнит читатель, она взяла себе это имя), я приготовился встретить с твоей стороны сопротивление, но, так как ты умна, я надеюсь победить его и доказать, что преступление, которое ты считаешь таким тяжелым, в сущности, весьма простая вещь. Тебе представляются здесь два преступления: уничтожение существа себе подобного, причем зло деяние увеличивается тем, что это существо нам близко. Что касается уничтожения себе подобного, то будь уверена, моя милая, — это одна фантазия; власть уничтожать не дана человеку; он может — самое большее — только изменять формы бытия, но не уничтожать живое существо. Формы же бытия безразличны в глазах природы. Ничто по пропадает в этом мире. Осмелится ли кто-либо сказать, что создание этого животного на двух ногах стоит природе более, нежели создание земляного червяка, и что она первым более интересуется? Когда мне докажут это, я соглашусь, что убийство — преступление; но так как самое серьезное наблюдение приводят меня к выводу, что все живет и произрастает на земном шаре совершенно одинаково в глазах природы, я не могу согласиться, что превращение одного существования в тысячи других — человеческого тела в массу червей — может что-либо нарушить в законах природы.

Жюстина не дает себя убедить, но делает вид, что соглашается совершить преступление, чтобы помешать ему иным путем.

Она предупреждает тетку, и та посылает гонца в Париж с

просьбой арестовать племянника, но последний перехватывает письмо, ведет Жюстину на лужайку, где они познакомились в первый раз, привязывает с помощью своего лакея к тем же четырем деревьям, натравливает на нее злых догов и через минуту она оказывается окровавленной.

Затем палачи ее отвязывают, и граф де Брессак объявляет ей, что он отравил свою тетку, которая в эту минуту умирает, и донес на Жюстину, обвиняя ее в этом отравлении.

Она находит убежище у одного хирурга по имени Родэн,[10] который содержит пансион для обоих полов.

Этот Родэн страдает манией анатомировать живых людей, чтобы выяснить некоторые сомнительные данные анатомии, и выбирает для этого жертвы в своем пансионе.

Он не щадит даже своей собственной дочери, которая ждет, заключенная в погребе, своей очереди быть анатомированной.

Друг хирурга, Рамбо, поздравляет его с победой над предрассудками.

— Я в восторге, что ты наконец решился анатомировать дочь, — говорит он.

— Совершенно верно. Я решился… Было бы позорно вследствие таких пустых соображений останавливать научный прогресс… Достойно ли великих людей позволить опутать себя подобными недостойными их целями?.. Когда Микеланджело захотел изобразить Христа с натуры, он не остановился ведь перед тем, чтобы распять молодого человека и копировать с него момент смертельных страданий Когда дело касается нашего искусства, эти средства положительно необходимы, и нет ничего дурного ими пользоваться. Пожертвовать одним человеком, чтобы спасти миллионы людей: можно ли колебаться в этом случае? Убийство на законном основании, именуемое казнью, не есть ли то же самое, что хотим предпринять мы? Казненный по законам, которые находят столь мудрыми, не есть ли жертва для спасения тысячи людей?

— Это единственный способ, — замечает Рамбо, — приобрести знания; и в больницах, где я работал всю мою молодость, я видел тысячи подобных опытов. Я боялся только, сознаюсь тебе, что родственные связи с этим существом заставят тебя поколебаться.

Родэн возмущается тем, что его друг мог заподозрить его в подобной слабости.

— Как! — восклицает он. — Только потому, что она моя дочь? Нечего сказать, важная причина… Какое место, думаешь ты, занимает она в моем сердце? Человек властен взять обратно то, что дал… Право располагать своими детьми не отрицалось ни

одним народом земного шара.

И в доказательство он приводит персидские, мидийские и греческие цитаты.

Жюстина пытается спасти дочь хирурга, но в момент, когда она близка к осуществлению этого плана, являются Родэн и Рамбо.

Они клеймят плечо Жюстины раскаленным железом, выгоняют ее и берут Розалию для анатомирования.

Мы встречаем вновь нашу героиню еще более несчастной, в монастыре, где три-четыре монашенки обращаются с ней самым постыдным образом. Затем они передают ее своей подруге, некой Омфале, содержательнице публичного дома.

Жюстине удается убежать оттуда, но на другой день, когда она спокойно идет по опушке леса, два господина нападают на нее и уносят ее к некоему де Жерманду, необычайно толстому и высокому чудовищу-эротоману, главное развлечение которого состоит в нанесении ран женщинам ланцетом, пока они не умрут. Он уже убил трех и кончает с четвертой.

После того как Жюстина пробыла год у этого аптекаря — Синей Бороды, она встречает в Лионе Сен-Флорана, сделавшегося очень богатым. Он предлагает ей быть его любовницей. Она с негодованием отказывается.

В постоянных поисках места, где бы она могла безопасно вести добродетельную жизнь, она находит по дороге между Лионом и Греноблем бесчувственного человека, только что избитого до полусмерти разбойниками.

Она еще раз решается оказать помощь ближнему, что уже обходилось ей так дорого.

Она подходит к раненому, ухаживает за ним, и он, по-видимому, чрезвычайно признательный, выдает себя за местного помещика Ролана и уводит ее с собой — чтобы жениться на ней, как надеется Жюстина.

Но Ролан оказывается самым ужасным разбойником, как и все, кто встречается в романах де Сада.

Он поместил свою жертву в подземелье, привязал ее к жернову, вокруг которого она должна была ходить день и ночь, и кормил ее ежедневно только вареными бобами с небольшим куском хлеба.

Чтобы она не жаловалась и была послушна, он время от времени вешал ее, а затем снимал с петли.

По счастью, этот негодяй составил себе состояние, передал свою «фабрику» (он был не помещиком, а подделывателем монет) и уехал в Венецию, чтобы жить на доходы со своего капитала.

Его преемники были накрыты полицией, арестованы,

обвинены, и Жюстина выходит наконец из подземелья.

Ла Дюбуа, которая содержит в Гренобле кухмистерскую и приказывает звать себя баронессой, обещает заняться ею. В действительности же она отправляет ее к маньяку, специализировавшемуся на том, чтобы ударом сабли обезглавливать женщин.

Он несколько раз доставляет себе в ее присутствии это удовольствие, что и побуждает Жюстину как можно скорее покинуть этот опасный дом.

В то время, когда «головосниматель» обедает с г-жой Дюбуа, она спасается бегством, по скоро ее забирает полиция; судьи, признавая ее участницей всех преступлений, где она была только жертвой, приговаривают ее к смерти.

Вот почему мы встречаем ее в первой части романа по дороге в Париж, где должен быть утвержден приговор.

Г. де Корвилю удается выхлопотать ей помилование и вознаграждение в тысячу экю из денег, найденных у фальшивомонетчиков.

Будет ли она счастлива, наконец? Нет! Едва Жюстина вздохнула свободнее, как над замком, где она живет с сестрой, разражается гроза и убивает ее.

Испуганная Жюльетта, предполагая, быть может, что удар молнии предназначался не для Жюстины, покинула г. де Корвиля и скрылась в монастыре кармелиток.

Продолжение романа «Жюстина, или Несчастия добродетели» — роман «Жюльетта, или Благополучие порока» появился только пять лет спустя, в 1796 году, но так как эти два романа дополняют друг друга и составляют, собственно говоря, одно произведение, нам кажется уместным рассказать теперь же содержание второго.

Мы должны заметить, что вторая часть еще более революционна, чем первая, более окрашена якобинской политикой, содержит более враждебных выходок против королей и попов.

Интерес к роману, впрочем, от этого не увеличивается.

Жюльетта выходит из монастыря Пантемопа, где начальница посвятила ее во все пороки.

На даче своей подруги, девицы Дювержье, она начинает карьеру и делается любовницей некоего Пуарселя, который разорил своего отца.

Этот Пуарсель знакомит ее с министром Сен-Фондом. Этот щедрый и богатый любовник окружает ее роскошью, о которой она мечтала: дом на улице Сент-Оноре, имение в окрестностях Парижа, «маленький домик» у Белой Заставы — не считая

лошадей, экипажей, множества слуг и модного куафера.

Все это ее не удовлетворяет, и так как она томится скукой, то, чтобы хоть немного развлечься, она поджигает хижину одного уважаемого крестьянина, дети которого сгорают живыми.

Одна из ее подруг, леди Клервиль, вводит ее в общество, называемое «Обществом друзей преступления», главными членами которого состоят Пуарсель и министр Сен-Фонд.

Общество, конечно, антихристианское (что дает повод автору воспеть хвалу культу Разума и Философии), и члены его не отступают ни перед каким развлечением, как бы оно ни казалось отвратительным.

Сен-Фонд задумывает проект обезлюдения Франции. Жюльетта, которой он сообщает его, не скрывает своего ужаса. Ей грозит опасность. Она принуждена бежать в Анжер и скрываться в доме терпимости, где сходится с графом де Лорзанж, за которого выходит замуж. Исповедник графа, аббат Шобер, вскоре помогает ей отравить его.

Она уезжает в Италию, останавливается в Турине, проводит много лет во Флоренции, Риме, Неаполе и других городах в качестве сообщницы авантюриста по имени Соригини.

По дороге во Флоренцию они встречаются с колоссом-людоедом, который на другой день угощает их рагу из горничной.

Они его стравливают, берут деньги, приезжают в Рим, где Жюльетта, называя папу Пия VII «старой обезьяной», пытается совратить его в культ Разума; затем едет в Неаполь, где в сообщничестве с королевой Марией-Каролиной похищает много миллионов у короля Фердинанда I. Совершив это «блестящее» дело, она доносит на королеву, чтобы одной воспользоваться деньгами, и возвращается во Францию.

Роман окончен.

Все эти истории с мелодраматическими разбойниками, с сознательными негодяями, с людьми, которые отрубают головы, режут ланцетами и кинжалами; с женщинами — изнасилованными, повешенными, отъеденными собаками; с лесом, полным разбойников; с подземельями и погребами — не могут оставить иных впечатлений, кроме смертельной скуки и глубокого отвращения.

Чувствуется, что все это грубо придумано и нагромождено писателем, чтобы поразить читателей…

Маркиз де Сад, считавший себя сыном философии восемнадцатого века, той философии, которая поставила себе целью все разрушать, все отрицать воспринял ее уроки так односторонне, как это соответствовало его ненормальной психике, разрушая гораздо более нравственных идей —

необходимых и плодотворных — нежели заблуждений и предрассудков.

«Жюстина» — книга, направленная против религии, против авторитетов, есть плод этих своеобразно воспринятых теорий, отвратительный музей, где все они собраны и рассортированы, хоть в преувеличенном и карикатурном виде, но узнать их легко.

Политический деятель
Секция Копьеносцев
Поклонник Марата

Дюлар писал в 1790 году:

«Маркиз де Сад оставался в Шарантоне до издания декрета… И этот человек, которого тюрьма спасала от эшафота, для которого оковы были милостью, приравнен, неизвестно почему, к тем несчастным жертвам, которых несправедливо держал там министерский деспотизм.

Этот гнусный злодей живет между цивилизованными людьми, осмеливается считать себя в ряду граждан; он, говорят, только что написал трагедию, которая уже принята на Французском театре.

Отвратительное преступление, которое он совершил в Аркюале, известно всему Парижу; история преступлений дворянства во времена безвластия и безнаказанности почти не представляет подобных примеров».

Маркиз де Сад уже пострадал от нового режима, во время которого был разрушен его замок де ла Коста, но хотел получить вознаграждение, готовый удовольствоваться местом библиотекаря, которое ему и было предоставлено 27 февраля 1795 года.

Его теории, его жалобы на монархию, которая переживала последние дни, его долгое заключение и его постыдные книги принесли ему скоро популярность.

Чтобы еще более заслужить ее, гордый дворянин отрекся от своего звания маркиза и в один прекрасный день превратился в патриота по убеждению и по имени, в гражданина Сада.

Гражданин Сад аккуратно посещал секцию Копьеносцев — отдел очень распространенного народного общества.

Он обратил там на себя внимание своими предложениями, своими речами и был в конце концов избран секретарем.

Секция Копьеносцев считалась самой демократической в Париже. О ней можно судить по ее избранникам. Ее уполномоченные, которые вошли 10 августа 1792 года в Главный совет Коммуны, были Мулен, Дюверье, Пиран, Леньело и Робеспьер. Председателем был гражданин Брифо.

Товарищи бывшего маркиза имели глупость сомневаться в его гражданских чувствах.

Он не скрывал своего поклонения Марату. Когда этот герой

дня умер, он посвятил ему четверостишие, которое дышит, как уверяли тогда, пылким патриотизмом.

Два месяца спустя секция Копьеносцев решила чествовать память Марата и Ле Пелетье; он произнес по этому случаю 29 сентября речь, вызвавшую огромный энтузиазм.

«Величайший долг, — воскликнул он, — истинных республиканских сердец есть признательность, оказываемая великим людям; из исполнения этого долга рождаются все добродетели, необходимые для благополучия и славы государства…»

«Как осмелились, — спрашивает далее оратор, — убить лучшего слугу революции, добродетельного Марата? Вы, скромные и нежные женщины, как могло случиться то, что ваши руки взяли кинжал для этого убийства? Вы поспешили усыпать цветами могилу этого истинного друга народа, и это заставляет нас забыть, что между вами нашлась рука для этого преступления. Дикий убийца Марата похож на те существа, которые нельзя причислять ни к какому полу; он был извергнут адом к отчаянию обоих полов и действительно не принадлежит ни к одному из них. Пусть траурная пелена окутает ее память: необходимо перестать изображать ее перед нами, как это осмеливаются делать, в сиянии обольстительной красоты. Артисты! Разбейте, уничтожьте, переделайте черты этого чудовища, изображайте ее нам, как одну из адских фурий».

Тот же Сад редактировал петицию, в которой секция Копьеносцев требовала посвятить все церкви новым божествам, Разуму и Добродетели.

Некоторые места этой петиции очень интересны.

«Законодатели!

Царство философии явилось уничтожить царство лицемерия; наконец, человек просветился, и, разрушая одной рукой пустые игрушки глупой религии, он воздвигает другой алтарь для самого дорогого его сердцу божества. Разум займет место Марии в наших храмах, и фимиам, который курился у ног ее, будет куриться перед богиней, разорвавшей наши цепи…»

Петиция секции Копьеносцев удостоилась почетного отзыва, включения в бюллетень и отсылки в Комитет народного просвещения.

Сад не удовольствовался тем, чтобы являться в торжественных случаях оратором секции. Он хотел сделаться одним из основателей нового режима. Он приготовлял свой план Конституции. Он тщательно редактировал два проекта, чтобы представить их революционному правительству. На них он возлагал большие надежды. Один из них касался устройства

публичных арен, на которых состязались бы, как в древних Греции и Риме, гладиаторы, другой — устройства публичных домов для проституток, содержимых и управляемых государством. Сделать государство покровителем домов терпимости — эта мысль могла родиться только в голове гражданина Сада.

Все это показное гражданское рвение не послужило ему на пользу. Заподозренный как дворянин, он был арестован по распоряжению Комитета общественной безопасности в декабре 1793 года, менее чем через месяц после того, как являлся в Конвент, где его антирелигиозная проза имела успех. Революция не была к нему справедлива. Известно, впрочем, что он был тоже неблагодарен своим самым верным защитникам.

Сад был заключен… Он поостерегся сильно протестовать. Он знал, что новое правительство менее добродушно, нежели бывшее, и охотно пошлет беспокойного заключенного прогуляться на Национальную площадь в сопровождении палача. Эта прогулка ему не улыбалась. Ему хотелось сохранить отца своим детям и полезного гражданина своему отечеству. В течение нескольких месяцев он старался лишь, чтобы о нем забыли; затем он нашел себе могущественного покровителя в лице «человека дня» члена Конвента Равера, которому уступил свою землю де ла Коста; и в октябре 1794 года был выпущен на свободу.

В политике ему не повезло. Он вернулся к литературе; 5 декабря 1794 года он писал членам департамента:

«Граждане!

В числе опечатанного имущества издателя Жируара, которое вскоре будет освобождено от ареста по ходатайству его вдовы, есть наполовину напечатанное сочинение „Алина и Валь-кур, или Философский роман“. Я автор этого произведения и прошу Вас сделать распоряжение возвратить его мне. У меня есть три основания для этой просьбы.

Первое то, что это произведение, отданное в печать пять лет назад, несмотря на прекрасные принципы, положенные в его основу, не носит все же того характера, который можно придать ему при нынешнем правительстве. Небольшие изменения дадут ему мужественную и строгую физиономию, которая вполне соответствует свободному народу, и я хочу сделать эти исправления…»

Он жил в роскошной квартире, где принимал довольно смешанное, но очень веселое общество: более или менее известных писателей, артисток, разорившихся дворян, поэтов без издателей и журналистов без читателей.

Женщина, имя которой неизвестно, но которую Сад называл

«своей Жюстиной», принимала гостей.

Говорили, что она дочь эмигранта и все в ней: от гордой осанки и прекрасных манер до матовой бледности лица с выражением меланхолии — выдавало аристократическое происхождение.

У бывшего маркиза очень веселились, хотя обстоятельства этому не благоприятствовали. У него разыгрывались пьесы, как во времена Дюбарри или Помпадур. Де Сад был хорошим актером. Несмотря на то, что ему было более пятидесяти лет, он превосходно играл влюбленных. В его игре, как уверяют, было много чувства. Как жаль, что его недоставало ему в жизни.

Превратившись снова в литератора, он написал в 1796 году «Жюльетту» и усердно занимался изданием этих двух романов.

Он поручал рисовать при себе, рассказывает Поль Лекруа, ряд иллюстраций на избранные сюжеты и с заботливым вниманием следил за изображением своих героев.

Общее издание, в котором «Жюстина» была переделана, появилось в 1797 году.

В следующем году де Сад напечатал очень скучный, но более нравственный, чем предыдущие, роман «Полина и Бельваль, или Жертвы преступной любви», представляющий не что иное, как парижский анекдот восемнадцатого века.

Жертвами этой преступной любви были преимущественно те, кто покупал этот роман.

В это же время он сильно хлопотал о том, чтобы его вычеркнули из списка эмигрантов, куда он был занесен по оплошности его родственников вследствие того, что содержался в тюрьме, хотя и не покидал Францию.

12 июля 1799 года (22 мессидора VII года) Совет Пятисот издал закон, совершенно несправедливый, по которому родственники эмигрантов и бывшие дворяне считались ответственными за разбои и убийства, которые происходили в южных и западных департаментах. Исключение было сделано для тех, кто исполнял общественные обязанности по воле народа.

В петиции, поданной через несколько депутатов, де Сад просил, в надежде извлечь пользу для себя, прибавить еще исключение для граждан, достигших шестидесятилетнего возраста, которые дали доказательство своей приверженности республике.

Эта петиция была прочтена в Совете Пятисот 31 июля, но Совет оставил ее без последствий, перейдя к очередным делам.

Ловкий и упорный проситель, де Сад понял, что его ходатайства останутся без успеха, если не будут поддержаны влиятельным лицом. Он обратился к члену Совета Пятисот

Гупильо де Монтегю… Он написал ему 4 февраля 1799 года письмо с просьбой о поддержке. Де Сад попытался воспользоваться Гупильо де Монтегю не только для того, чтобы добиться для себя исключения из списка эмигрантов, но и для того, чтобы провести постановку на сцене Французского театра его пьесы «Жанна Ленэ, или Осада Бовэ»…

Гупильо был очень польщен тем, что его считают способным судить о трагедии.

В нашем распоряжении нет ни одного его ответа, но можно думать, что они были очень любезны в отношении его протеже, если судить по второму письму де Сада от 30 октября.

«…Сад будет очень счастлив, если гражданин Гупильо в этот день будет у него вместе с некоторыми лицами, способными, как и гражданин Гупильо, судить о произведении. Если пьеса понравится, правительство должно своей властью приказать играть ее, как патриотическую пьесу.

Без этого ничего не выйдет, и удобный момент для ее представления будет пропущен; из-за ваших побед она и без того уже немного устарела».

В то самое время, когда бывший маркиз, покровительствуемый бывшим террористом, старался принудить Французский театр поставить свою пьесу под предлогом патриотических соображений, он же пытался поставить пьесу, которую остерегся подписать, но которую, пока не доказано противное, приписывают ему.

Некто Жак Августин Прево, бывший ранее антрепренером ярмарочных спектаклей, сделался в 1788 году актером и декоратором, а затем директором бывшего Театрального товарищества, которому он дал скромное название: «Театр без претензий».

Этот Прево объявил в сентябре 1799 года драму под названием «Жюстина, или Несчастия добродетели», но сделал это без разрешения полиции, которая поспешила запретить пьесу.

К счастью для плодовитого писателя, драматические произведения которого с трудом появлялись перед публикой, в рукописях романов и повестей у него не было недостатка.

В 1800 году он напечатал у книгопродавца Массе «Преступления любви, или Неистовство страстей», героические и трагические повести, которым было предпослано предисловие под заглавием «Мысли о романах».

В этом нелепом сборнике только предисловие и удобочитаемо сколько-нибудь.

Небезынтересно знать, что думал о романе автор «Жюстины».

Он ставит три вопроса:

Почему этот род произведений носит название романа?

У какого народа нужно искать его источник и какие романы самые известные?

Каким, наконец, правилам необходимо следовать, чтобы усовершенствоваться в писательском искусстве?

Его теория происхождения романа отличается странностью и крайней ограниченностью.

«Человек, — говорит он, — подвластен двум слабостям, которые характерны для него и составляют существенное его свойство. У человека есть потребность просить и потребность любить; роман существует, чтобы рисовать существ, которых умоляют, и прославлять, которых любят».

Затем идет перечисление и поверхностный, в нескольких словах, разбор старинных и современных романов…

Говоря о «Принцессе де Клев» г-жи де Лафайет, он выступает на защиту дам-писательниц (вот уж неожиданный и непрошеный защитник!) и уверяет, что этот пол, как более тонко чувствующий, по самой своей природе более способен писать романы, хотя доказывает нам это только в последние 10–15 лет, и гораздо более, чем мы, вправе рассчитывать на лавры в этой области литературы.

Он хвалит Мариво, который «захватывает душу и вызывает слезы», Руссо, Вольтера, говоря, что сама любовь своим факелом начертала пламенные страницы «Юлии» (такой образ встречается, кажется, впервые: «писать факелом»!).

Этот обзор, довольно-таки педантичный, заканчивается правилами, которые можно резюмировать следующим образом.

Романист — это «человек природы». Он должен ощущать страстную жажду все описывать и, приукрашивая то, о чем он пишет, не удаляться все же от правдоподобия. Не принимая на себя других обязанностей, кроме этого полуреализма, он может позволить фантазии увлечь себя, не заботясь о плане, то есть писать все, что приходит в голову, во время процесса работы. Если действующим лицам приходится рассуждать, надо позаботиться о том, чтобы не чувствовалось, что они говорят только слова автора.

Известно, как маркиз де Сад исполнял это правило!

Главное, говорит он в заключение, преступные герои должны быть изображены так, чтобы они не могли внушать «ни жалости, ни любви» (это его излюбленная теория).

Сочинение, которому «Мысли о романах» служат предисловием, имело менее чем средний успех.

Вильтерк отозвался о нем далеко не с похвалой в «Journal de Paris» и вспомнил в своей статье предшествующее сочинение

автора, то есть «Жюстину».

Де Сад был возмущен дерзостью этого журналиста, который осмеливался его судить, а не преклонился с должной почтительностью перед талантом.

Он принадлежал к той наиболее многочисленной категории писателей, которые не выносят ничего, кроме похвалы, и если порой и удостаиваются ее, то всегда находят недостаточной.

В ответ на эту непочтительную статью, в которой им не увлекались так, как увлекался он сам собой, он напечатал у своего издателя Массе наглую брошюру под заглавием: «Автор „Преступлений любви“ — пасквилянту Вильтерку».

Желчный романист в особенности негодовал на то, что Вильтерк осмелился приписать ему «Жюстину».

«Я требую от тебя, — восклицал он, — доказать мне, что я автор этой книги… Только клеветник может без всяких доказательств подозревать честного человека… Как бы то ни было, я говорю и утверждаю, что не писал никогда безнравственных книг и не буду писать».

Он действительно несколько раз повторял это отречение, но никто ему не верил, да и он сам не верил себе.

Подпольный роман «Золоэ и ее два спутника»
Из тюрьмы Святой Пелагеи в Шарантон
Последние годы жизни маркиза де Сада

В июле 1800 года появился роман без имени автора, который продавался из-под полы и который, переходя из рук в руки, читался и перечитывался в официальных кругах — одними из любопытства, другими из любви к сплетне — и, наконец, произвел огромный скандал.

В этом романе, названном «Золоэ и ее два спутника» были подробно описаны самые отвратительные оргии и под вымышленными именами, которые не могли обмануть ни одного читателя, фигурировали Бонапарт — Д'Орсек (Orsec — анаграмма от слова «Corse» — Корсика), Жозефина (Золоэ), г-жа Тальен (Лореда), г-жа Висконти (Вользанж), Баррас («Сабар» — снова анаграмма) и т. д.

Точная копия портретов позволила безошибочно угадать главных действующих лиц.

С первых же страниц книги автор спрашивает:

«Что с вами, дорогая Золоэ? Ваш сморщенный лобик говорит о печали. Разве судьба не подарила вас улыбкой? Чего недостает вам для вашей славы, для вашего могущества? Ваш бессмертный супруг не солнце ли отечества?»

Кто не узнал бы в 1800 году в этом «бессмертном супруге», в этом «солнце отечества» Бонапарта? В небрежно набросанном, но поразительно схожем портрете женщины нельзя было не признать Жозефины.

Золоэ родилась в Америке. На сороковом году она имеет не меньше претензий нравиться, чем и в двадцать пять. В ней соединилось все, что может пленить и губить: вкрадчивый голос, сатанинская хитрость, страсть к удовольствиям, алчность к деньгам, которыми она сорила, как игрок, жажда роскоши, поглощавшая доход с десяти провинций.

«Она никогда не была хороша, но уже с пятнадцати лет ее тонкое кокетство привлекло к ней массу поклонников. Их не смутил ее брак с графом де Бармоном (граф де Богарнэ), они

продолжали надеяться на успех, и чувствительная Золоэ не решилась разрушить эти надежды. От этого брака родились сын и дочь, в настоящее время причастные к судьбе своего знаменитого отчима».

Остальные действующие лица — сенатор Д., погрязший в пороках, игрок С, и народный представитель К., которого автор пасквиля характеризует эпизодом из его жизни.

«Проходя по площади Каруселя, — говорит он, — я встретил двух дюжих парней, которые несли на носилках нечто вроде человека, завернутого с головы до ног в голубой плащ.

Я спросил из любопытства у одного из носильщиков, кого они несут.

— Следуйте за нами, — отвечал он, — и вы узнаете.

Носилки остановились около дома гражданина К. Оказалось, что это именно он прогуливался в таком странном экипаже.

Красное, как кумач, лицо, глаза, налитые вином, бессвязные речи и бесстыдные жесты, грязные следы минувшей тошноты на губах и на всей одежде объяснили мне причину состояния, в котором находился представитель Франции.

Зрелище это поразило меня, но один из носильщиков заметил:

— Нельзя слишком строго судить гражданина К. Чуть не ежеминутно ему кто-нибудь нужен — сегодня промышленник, завтра поставщик, затем еще какой-нибудь директор конторы. С каждым ему нужно поговорить по делу, и они идут в трактир. Что прикажете делать? Ведь только в трактире и можно делать дела. Стоит выпить одну бутылочку, другие следуют за ней, а чтобы привести собеседника К, в хорошее расположение духа, надо не менее десяти».

Кто был автор этого романа-памфлета, роскошные экземпляры которого на веленевой бумаге были посланы некоторым из выведенных в нем особ? Почти все указывали на маркиза де Сада.

Арест его был делом решенным, но было признано необходимым обставить арест так, чтобы не увеличивать скандала и преследованием автора не придавать в глазах публики значения малораспространенному сочинению.

Вследствие этого полиция как бы не обратила внимания на «Золоэ и ее два спутника», а занялась «Жюльеттой», которую продавали почти открыто.

5 марта 1801 года де Сад был арестован у своего издателя, которому он в этот день принес рукопись.[11] Последняя была конфискована вместе со значительным количеством экземпляров старого издания.

Допрошенный маркиз заявил, что не он автор «Жюльетты», а что действительный автор поручил ему переписать сочинение.

Правительство того времени, во избежание вмешательства общественного мнения, которое могло его стеснить, предпочитало действовать относительно тех, от кого хотело избавиться, административным порядком.

Происходило это так: преступники, а зачастую и невинные, в один прекрасный день исчезали, и никто не вспоминал о них. Судьи продолжали судить, адвокаты — произносить судебные речи, но на их долю оставляли только обвиняемых в общих преступлениях, обвинение и оправдание которых было безразлично для спокойствия государства.

Таким именно путем, административным порядком, маркиз де Сад был заключен в тюрьму Св. Пелагеи 5 марта 1801 г.

В «Памятниках и портретах эпохи Революции» Шарль Нодье рассказывает, что, находясь в тюрьме Св. Пелагеи в 1802 году, он имел случай видеть 27 апреля, на другой день своего прибытия в тюрьму, автора «Жюстины», который собирался уезжать. «Один из заключенных, — рассказывает он, — встал рано, так как должен был отправиться в Бисетр, о чем его предупредили. Мне бросилась в глаза его тучность, которая стесняла движения и, видимо, мешала ему проявлять ту грацию и изящество, которые сквозили в его чертах и в общем характере манер и разговора. Его усталые глаза сохранили некоторый блеск, и время от времени в них сверкала какая-то искорка. Он только прошел мимо меня. Я припоминаю, что он был вежлив до приторности, умилительно приветлив и почтителен».

Эта дородность после заключения доказывала, что де Сад недурно чувствовал себя во время своего нового ареста. В действительности же, с тех пор как его «убрали», по меткому выражению префекта Дюбуа, он не переставал жаловаться. Несчетное количество раз он молил о своем освобождении, клятвенно уверяя (клятвы у него были дешевы), что не он автор «Жюстины»,[12] за которую, по его мнению, пострадал.

В ответ на обвинения и жалобы его перевели в Бисетр.

Бисетр, известный во время королевского правительства под названием «Бастилия для сброда», был, собственно говоря, в 1801 году тюремной больницей с тремя тысячами заключенных, молодых и старых, честных и преступных, больных и здоровых. Больных было большинство.

Паралитики, эпилептики, буйные, сумасшедшие, хронические, венерические и проч. представляли печальную, отталкивающую картину.

Помещение де Сада в эту больницу было равносильно

признанию его душевнобольным.

Некоторые из его выходок подтверждали это мнение.

Рассказывали, что в Бисетре он занимался тем, что бросал в грязь розы, за которые платил страшно дорого.[13]

Имея под видом больного относительную свободу, он воспользовался этим, чтобы учить безнравственности окружавших его людей, очень способных к этой науке. Так как его ученики уж чересчур живо заинтересовались его уроками, то оказалось необходимым перевести его в Шарантон.

В то время был особый род больных, «государственные сумасшедшие», т. е. люди, которым приписывали умственное расстройство просто за то, что они беспокоили или стесняли правительство. В «Исторических заметках» Марка Антония Бодо, бывшего депутата Законодательного собрания, упоминается о подобных сумасшедших и о наказаниях, которым их подвергали с целью вернуть рассудок.

Указав на жертв произвола, Бодо останавливается на де Саде. «Он автор многих произведений, — говорит он, — чудовищно непристойных. Это был, несомненно, судя по его сочинениям, теоретически развращенный человек, но не сумасшедший.

В нем были все признаки нравственной испорченности, но не безумия; ум его был односторонен, но его сочинения указывают на большую его начитанность по древней и современной литературе, которую он усвоил, так как задался целью доказать, что беспутство освящено примерами греков и римлян.

Этот род исследований безнравствен, но чтобы довести их до конца, надо обладать умом и способностями; между тем де Сад облек их в форму романов, в которых проводятся безнравственные доктрины в строгой системе — безумный не в состоянии был бы этого сделать».

Монастырь Шарантона, куда по просьбе своего семейства помещен здоровый или сумасшедший маркиз де Сад, был преобразован в «Больницу милосердия» Директорией…

Директором этой больницы был назначен г. де Кульмье…

Де Кульмье применял к душевнобольным теории, почти современные. Он устраивал спектакли, танцы и даже фейерверки. В маркизе де Саде он нашел драгоценного сотрудника.

Несомненно, в Шарантоне было лучше, чем в Венсене и Бастилии.

Маркиз де Сад был переведен в этот образцовый дом 27 апреля 1803 года. Префект полиции поручил гражданину Бушону препроводить его туда, а семейство де Сада, как и префект, поручило де Кульмье наблюдать, чтобы он не имел ни с кем никаких сношений. Как сообразительный человек, директор не

преминул извлечь пользу из этих опасений и потребовал за своего нового пациента плату, соответственную заботам о нем и тем предосторожностям, которые надо соблюдать в отношении его.[14]

Хотя условия жизни де Сада были очень хороши и с ним обращались не как с заключенным, а как с больным, он, однако, не преминул вступить в открытую войну с директором больницы.

В письме к нему от 20 июля 1803 года, спустя два месяца после его поступления, он в несдержанно-резких выражениях жалуется на обращение с ним г. де Кульмье и заканчивает письмо следующей фразой: «Вы, видимо, не понимаете, что Ваше поведение в отношении меня уподобляет Вас самому негодному лакею». Нет сомнения, что такого почтенного человека, как Кульмье, никто до тех пор не дерзал сравнивать с лакеем. Его изумление было равносильно негодованию.

Вместе с тихими больными, покорившимися своей судьбе, в Шарантоне были и сумасшедшие, страдающие манией преследования, и заключенные, которые мечтали освободиться. Они интересовались политическими событиями.

Учреждение Империи породило в них надежды, еще более укрепившиеся под влиянием четырех статей сенатского постановления от 28 флореаля XII года (18 мая 1804 года).

Сенатом была образована комиссия из семи членов, выбранных из его среды, для исследования правильности арестов, произведенных согласно 46-й статье Конституции, и того обстоятельства, все ли задержанные лица были представлены в суд в течение десяти дней с момента их ареста.

Комиссия эта получила название «Сенатская комиссия о личной свободе».

Все лица, задержанные, но не преданные суду в течение десяти дней после их ареста, могли обращаться непосредственно лично и через своих родных, через поверенных или же путем петиции в комиссию.

Через несколько дней по сформировании комиссии, не успевшей еще начать действовать, в нее поступила уже следующая петиция:

«Маркиз де Сад, литератор, членам Сенатской комиссии о личной свободе.

Сенаторы!

Сорок месяцев я нахожусь в самых жестких и несправедливых оковах.

Заподозренного с 15 вантоза IX года в сочинении безнравственной книги, чего я никогда не делал, меня не перестают с того времени держать в разных тюрьмах, не предавая суду, чего я только ни желаю и что является для меня

единственным способом доказать свою невинность.

Стараясь найти причину такого произвола, я открыл наконец, что это гнусные интриги моих родных, которым я во время революции отказал в участии в их происках и убеждений которых не разделял. Озлобленные моей постоянной и неизменной преданностью моему отечеству, испуганные моим желанием привести в порядок мои дела, расплатившись со всеми кредиторами, от разорения которых эти бесчестные люди могли бы выиграть, они воспользовались оказанным им доверием и разрешением возвратиться во Францию, чтобы погубить того, кто им не сопутствовал в бегстве из отечества. С этого времени начинаются их ложные обвинения, и с тех пор я в цепях.

Сенаторы! Новый порядок вещей делает вас судьями и вершителями моей судьбы; с этого момента я спокоен, так как эта судьба, столь несчастная, находится теперь в надежных руках людей таланта, мудрости, справедливости и ума».

Руки людей «таланта, мудрости, справедливости и ума» (это было слишком много для сенаторов 1804 года) не оказались такими услужливыми, как рассчитывал маркиз де Сад. Без сомнения, многие из этих просвещенных стариков, которых он считал распорядителями своей судьбы, читали его «Жюстину».

Четыре года спустя в прошении, помеченном 17 июня 1808 года, маркиз де Сад уже обращается прямо к Его Величеству императору и королю, протектору Рейнской конфедерации:

«Государь!

Господин де Сад, отец семейства, среди которого он, к своему утешению, видит сына, отличавшегося в армии, влачит почти двадцать лет последовательно в различных тюрьмах самую несчастную жизнь. Ему семьдесят лет, он почти слеп, страдает подагрой и ревматизмом в груди и желудке, который причиняет ему ужасные боли; удостоверения врачей Шарантона, где он в настоящее время находится, доказывают справедливость всего изложенного и дают право просить освобождения».

Этот неисправимый проситель нашел, как оказывается, наилучшее средство вынудить освободить его из Шарантона.

Он сделался там невыносимым.

Больница то и дело оглашалась его бешеными криками. Он беспрестанно злоупотреблял снисходительностью и терпением г. де Кульмье, который не решался ему дать надлежащий отпор.

Циник и пьяница под старость, теоретик порока, так как быть практиком он уже был не в состоянии — маркиз стал предметом всеобщего презрения.

Г. де Кульмье мирился с этим, но главный доктор Руайе-Колар взглянул на это дело серьезнее.

Он счел своим долгом уведомить министра полиции Фуше и написал ему письмо от 2 августа 1808 года, которое является одним из самых подробных документов о пребывании маркиза в Шарантоне.

«Имею честь обратиться к власти Вашего превосходительства по делу, которое крайне интересует меня по должности и от разрешения которого зависит порядок дома, в котором вверены мне обязанности врача.

В Шарантоне находится человек, прославившийся, к несчастью, своей дерзкой безнравственностью, и его присутствие в больнице совершенно неуместно: я говорю об авторе гнусного романа „Жюстина“.

Он не сумасшедший. Его единственная болезнь — порок, но от этой болезни его невозможно вылечить в учреждении, предназначенном для врачевания душевнобольных. Необходимо, чтобы этот субъект был заключен в более строгой обстановке, с целью, с одной стороны, оградить других от его безобразия, а с другой — удалить от него самого все, что может возбуждать и поддерживать его гнусные страсти.

Больница Шарантон не может выполнить ни того, ни другого условия. Г. де Сад пользуется здесь слишком большой свободой. Он имеет возможность общаться со множеством лиц обоего пола — больных и выздоравливающих, принимать их у себя и, в свою очередь, посещать их комнаты. Он имеет право гулять в парке, где часто встречается с больными, которым тоже предоставлено это право. Он проповедует свои ужасные мысли…

Наконец, в доме упорно держится слух, что он живет с женщиной, которую считают его дочерью.

Это еще не все. В Шарантоне имели неосторожность учредить театр для разыгрываний пьес душевнобольными, не рассчитав прискорбных последствий, которые могут произойти от возбуждения таким образом их воображения. Г. де Сад состоит директором этого театра. Он выбирает пьесы, распределяет роли и руководит репетициями, учит декламации актеров и актрис и посвящает их в тайны драматического искусства. В дни публичных представлений он всегда имеет в своем распоряжении известное количество входных билетов и, подбирая публику, служит предметом ее оваций. В торжественных случаях, так, например, в дни именин директора, он сочиняет в его честь аллегорические пьесы или, по крайней мере, несколько хвалебных куплетов.

Я полагаю, что нет надобности доказывать Вашему превосходительству на неприличие существующего и рисовать опасности, которые могут от этого произойти. Если бы эти

подробности стали известны публике, какое мнение сложилось бы у нее об учреждении, которое допускает такие злоупотребления? Может ли с ними мириться нравственная сторона лечения душевнобольных?

Больные в ежедневном общении с отвратительным человеком находятся постоянно под влиянием его глубокой испорченности, и одна мысль о его присутствии в доме способна, я полагаю, разжигать воображение даже тех, кто его не видит.

Я надеюсь, Ваше превосходительство, что Вы найдете приведенные мною мотивы более чем достаточными, чтобы приказать отвести для г. де Сада другое место заключения, вне Шарантона. Тщетно было бы возобновлять относительно его запрещение общаться с другими живущими в доме; это запрещение было бы не лучше исполнено, чем и в прошлый раз, и продолжались бы те же злоупотребления. Я совсем не требую, чтобы его вернули в Бисетр, где он был ранее, считая своим долгом представить Вашему превосходительству мое соображение о том, что арестный дом или тюрьма были бы для него более подходящими, нежели учреждение, посвященное лечению больных, которое требует неослабного наблюдения и самой заботливой предусмотрительности».

Это письмо, переданное префекту полиции, побудило его 11 ноября 1808 года распорядиться о переводе маркиза в Гамскую тюрьму, но его семейство, извещенное об этом, успело приостановить исполнение приказа.

Вследствие ходатайств — дружеских и служебных писем — приказ о переводе был забыт, и о нем перестали говорить.

На предыдущих страницах мы собрали в хронологическом порядке документы, относящиеся к бесплодным усилиям маркиза де Сада выйти из Шарантона.

Остается рассмотреть более подробно, как его там содержали и как он там жил.

Особая снисходительность г. де Кульмье к маркизу де Саду происходила от согласия их мнений на способ лечения душевнобольных.

Директор Шарантона, как мы знаем, считал танцы и спектакли лекарством от сумасшествия, хотя об этом лекарстве больше говорили, нежели видели его благодетельное действие. Эту теорию, была ли она разумна или нет, он старался применить к больным.

В одной из зал, назначенной для сумасшедших женщин, он устроил театр с рампой, партером, кулисами и проч. Напротив сцены над партером была устроена большая ложа для директора и его приглашенных. С каждой стороны пятнадцать или двадцать

душевнобольных — женщины справа, а мужчины слева — занимали амфитеатр и пользовались целительным зрелищем драматического искусства.

Остальная часть залы была предоставлена посторонней публике и некоторым служащим дома, назначенным присутствовать на спектакле.

У г. де Кульмье были великие идеи, но он не удостаивался вникать в подробности. Организатором терапевтических представлений, в которых принимали участие актрисы и танцовщицы маленьких парижских театров, был маркиз де Сад.

Он выбирал пьесы — некоторые были его же сочинения, — набирал актеров и руководил постановкой и репетициями. Для себя он брал главные роли, но в случае необходимости был и машинистом, и суфлером. Никакое дело его не останавливало и не казалось ему недостойным его таланта.

В качестве директора и главного актера театра Шарантона он воскрешал в душе успехи прошлого.

Однако это не был особенно удобный директор. Нижеследующее письмо, адресованное г. де Кульмье неким Тьери, служащим или пансионером Шарантона, доказывает нам это:

«Позвольте мне, согласно данному вам обещанию, оправдаться по поводу столкновения, которое я имел с г. де Садом.

Он приказал мне достать нужную декорацию и, когда я повернулся, чтобы исполнить его поручение, он грубо схватил меня за плечи и сказал мне: „Негодяй, надо слушать, что говорят!“ Я ему спокойно ответил, что ему нечего ругаться, так как я хотел исполнить его приказание; он мне возразил, что это не правда, что я обернулся к нему спиной умышленно и что я плут, которому он велит дать сто палок. Тогда, милостивый государь, терпение мое лопнуло, и я не мог удержаться, чтобы не ответить ему в том же тоне…

Мне надоело играть роль его лакея и выносить обращение как с таковым; только из дружбы я оказывал ему услуги.

В результате г. де Сад, конечно, не даст мне больше ролей в пьесах…»

По поводу одного из представлений, а именно 28 мая 1810 года, данного в театре Шарантона:

«Г-же Кошелэ, статс-даме королевы Голландии…

Сударыня!

Интерес, который Вы проявили к драматическим развлечениям моего дома (!), делает для меня законом снабжать Вас билетами на каждое из представлений.

Зрительницы, подобные Вам, милостивая государыня,

оказывают огромное влияние на самолюбие актеров, и в надежде Вам понравиться они находят то, что может возбудить их воображение и питать их талант…

Я жду Ваших распоряжений относительно присылки каких Вы пожелаете билетов и прошу Вас передать мое глубокое уважение придворным дамам Ее Величества королевы Голландии, королевы, редкие и драгоценные качества которой соединяют вокруг нее сердца всех французов к чести ее подданных.

Сад»

Маркиз де Сад был не только директором театра Шарантона. Не происходило ни одного торжества в больнице, которого он не являлся бы устроителем и в котором не играл бы выдающейся роли.

Когда 6 октября 1812 года кардинал Мори, парижский архиепископ, посетил учреждение г. де Кульмье, ему была пропета кантата…

Эту кантату сочинил маркиз де Сад, бывший поклонник культа Разума…

Это были последние, уже потухающие огни гения. Возраст охладил мало-помалу вдохновение и смягчил наконец буйный характер маркиза…

Раскаивался ли он? Возможно. Во всяком случае, у него уже не было этих ужасных приступов гнева, которые заставляли трепетать г. Кульмье. Можно сказать, что страх и близость смерти вдохнули в него новую душу.

3 декабря 1814 года один из служащих больницы Шарантон писал главному директору государственной полиции Беньо:

«Вчера вечером в 10 часов в королевской больнице Шарантон умер маркиз де Сад…

Его здоровье уже заметно пошатнулось в течение некоторого времени, но он был на ногах за два дня до своей кончины. Смерть его была внезапная, от быстрого заражения крови.

При этом присутствовал его сын Арман де Сад, а потому, я думаю, нет необходимости, согласно гражданскому закону, опечатывать имущество. Что же касается принятия мер охраны общественного порядка, Ваше превосходительство, решите, нужно ли принять какие-либо предосторожности и удостойте меня своими приказаниями, я настолько уверен в честности г. де Сада-сына, что, думаю, он сам уничтожит опасные бумаги, если они есть у отца…».

Маркиз де Сад умер семидесяти пяти лет после непродолжительной болезни, которую доктор Рамон, лечивший его в последние дни, определил как засорение (!) легких в форме астмы.

Он оставил завещание, которое не менее оригинально, чем все остальные его произведения.

В последнем пункте он излагает порядок своих похорон:

«Я запрещаю, чтобы мое тело было под каким бы то ни было предлогом вскрыто. Я настойчиво желаю, чтобы оно хранилось сорок восемь часов в той комнате, где я умру, помещенное в деревянный гроб, который не должны забивать гвоздями ранее сорока восьми часов. В этот промежуток времени пусть пошлют к г. Ленорману, торговцу лесом в Версале, на бульваре Эгалитэ, и попросят его приехать самого вместе с телегой, взять мое тело и перевезти в лес моего имения Мальмэзон около Эпренова, где я хочу быть зарытым без всяких торжеств в первой просеке, которая находится направо в этом лесу, если идти от старого замка по большой аллее, разделяющей этот лес. Мою могилу в этой просеке выроет фермер Мальмэзона под наблюдением г. Ленормана, который не покинет моего тела до тех пор, пока оно не будет зарыто в этой могиле; он может взять с собой тех из моих родных и друзей, которые пожелают запросто выразить мне это последнее доказательство внимания. Когда могилка будет зарыта, на ней должны быть посеяны желуди, так чтобы в конце концов эта просека, покрытая кустарниками, осталась такой же, какой она была, и следы моей могилы совершенно исчезли бы под общей поверхностью почвы. Я льщу себя надеждой также, что и имя мое изгладится из памяти людей».

Тот, кто мог написать эту ужасную, горькую страницу, кто мог пожелать исчезнуть весь — и телом, и духом — в забвении и в роковом «ничто», несомненно, с какой бы точки зрения его ни судить, не был обыкновенным человеком.

Его семейство или не обратило внимания на его последние распоряжения, или же встретило неодолимые препятствия к их исполнению.

Этот человек, который носил одно из великих имен Франции, был похоронен, как хоронят казненных преступников.

Через несколько дней, несмотря на просьбы семейства, разрыли могилу и вскрыли труп.

«Это было сделано, — говорит Викторьен Сарду, — ночью, тайно, тремя людьми… так что я не мог допросить маркиза, по примеру Гамиета…»

Счастливее, чем Викторьен Сарду, был Жюль Жанэн. Он утверждает — впрочем, у него было очень богатое воображение, — что видел череп маркиза собственными глазами. Один френолог, не зная, кому он принадлежит, очень внимательно рассмотрел его и открыл в нем шишки платонической любви и материнской нежности…

notes

Примечания

1

Бриссо, муж и жена, были известны в 1760 г. всему веселящемуся Парижу. У них были два «дома свиданий». Муж обладал даром убеждения, которому легко подчинялись хорошенькие женщины; он также заботился о здоровье своих «пансионерок», даже приходящих, — их посещал особый доктор, служивший при «домах свиданий»… Жена была обворожительная женщина и умела придать своему ремеслу отпечаток таинственности и стыдливости. Клиенты прозвали ее «президентшей».

2

Поль Лекруа утверждал, что она умерла в Италии, двадцати одного года, на руках у маркиза. В действительности же она вернулась в Прованс, провела некоторое время в монастыре, и семья кончила тем, что простила ее.

3

Вероятно, через посредство нескольких друзей, которых он имел в Шамбери, и в числе их некоего Франца Деванца, который был ему очень предан.

4

Так как маркиз де Сад в Венсене и Бастилии написал дюжину пьес, то трудно знать, о которой идет здесь речь.

5

В библиотеке есть огромный том, содержащий в себе 20 тетрадей, в которых маркиз де Сад писал начерно свои повести и новеллы или их планы.

6

Во время ограбления замка нашли, как говорят, орудия пытки, служившие ему для разврата. Во всяком случае, не пощадили даже знаменитую «залу клистиров», стены которой были покрыты талантливым художником комическими рисунками. Это были спринцовки всевозможных величин до размеров человеческих фигур…

Отказ был мотивирован тем, что автор восхваляет в ней Людовика XI.

8

Эта пьеса так не понравилась публике, что она отказалась дослушать ее до конца.

9

Кто эта Констанция? Вероятно, женщина, с которой он жил в то время.

10

Евгений Сю позаимствовал это имя из романа «Жюстина», так же как и имя другого своего героя — Кардовилля.

11

Эта рукопись заключала в себе некоторые дополнения и исправления к новому изданию «Жюльетты».

12

Каждый раз, когда он говорил о «Жюстине», он подразумевал и «Жюльетту» — он считал два романа за один.

13

«В 1855 году я бывал несколько раз в больнице Бисетр, где находилось двое моих друзей, и гулял с ними по этому заведению. Старый садовник, который знал маркиза во время его заключения здесь, рассказывал нам, что одним из его развлечений было приказывать приносить ему корзину роз, самых красивых и дорогих, какие только можно было найти в окрестностях. Сидя на табурете около грязного ручья, пересекавшего двор, он брал одну розу за другой, любовался ими, с видимой страстью вдыхал их аромат… затем опускал каждую из них в грязь и отбрасывал от себя, уже смятую и вонючую, с диким смехом». (Отрывок из письма Викторьена Сарду к доктору Кабанесу, напечатанного в «Медицинской хронике» 15 декабря 1902 года).

14

Семейство де Сада платило за него 3000 ливров в год.